

18+

ДЕНИС ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ

Когда **ЦЕНА** успеха → **ЖИЗНЬ**,
КАЖДЫЙ ШАГ может стать **ПОСЛЕДНИМ...**

#ИНИЦИАТОР

Денис Передельский

#Инициатор

«Издательские решения»

Передельский Д.

#Инициатор / Д. Передельский — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В один и тот же момент в разных точках планеты
люди совершают одинаковые поступки и погибают. Богота и Тула, Берлин
и Краснодар, Ванкувер и Орел. Погрешность между событиями всего семь
секунд. Случайность исключена математически. Квантовый суперкомпьютер
ГРУ «Аркаим», скрытый в вечной мерзлоте, фиксирует все новые
«синхронные события». За ними стоит нечто, способное проникать в сознание
человека, управлять его телом и направлять к заранее запланированной
гибели. Это не болезнь. Это оружие.

Содержание

Пролог	6
Город Орел, Россия	6
«Аркаим» просыпается	8
Объект №17, Якутия	8
Последний день Маркуса Вебера	12
Город Берлин, Германия	12
Совершенно секретно, особой важности	17
Москва, штаб-квартира ГРУ	17
Спасенный	23
Город Орел, здание УМВД	23
Голос в голове	33
Санкт-Петербург	33
Пропавшие без вести	43
США — Россия	43
У всех на виду	49
Город Орел	49
Мобилизация началась	52
Московская область	52
В поисках «Атлантиды»	56
Город Санкт-Петербург	56
Мобилизация продолжается	61
Троицк — Москва	61
Лукавая Фортуна	67
Город Санкт-Петербург	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

#Инициатор

Денис Передельский

Дизайнер обложки Юлия Митина

© Денис Передельский, 2026

© Юлия Митина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8954-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Описанные события являются вымышленными и существуют только в воображении автора, любые аналогии неправомерны.

В книге присутствуют сцены насилия и жестокости, их не рекомендуется читать лицам моложе 18 лет.

Курение, употребление алкоголя, наркотических и психотропных средств опасно для здоровья.

Пролог

Город Орел, Россия

— Господи, он же сейчас прыгнет! Убьется! Помогите, люди, на помощь!

Надсадный крик вырвался из уст пожилой женщины, шедшей по мосту, соединяющему правый и левый берег Оки. Река эта издавна разделяет надвое старинный русский город Орел, основанный на стрелке — месте слияния Оки и Орлика — в 1566 году по указу царя Ивана Грозного. Город был заложен как крепость для защиты южных границ Московского государства от набегов крымских татар. Мост, по которому шла женщина, располагается по соседству с детинцем — первой крепостью, с которой и начался город.

Несмотря на теплый июньский вечер, женщина плотнее запахнула на себе куртку, скорее подходящую для холодных ноябрьских дней. Рука ее, сжимающая ворот куртки, дрожала, сказывалось только что пережитое ею нервное потрясение. Второй рукой она цепко держала ручку старенькой, потрепанной сумки на колесиках, которую тащила за собой. Она только что вернулась в город с дачи. Уставшая, шла с автобусной остановки домой, но внезапно остановилась как вкопанная.

Взгляд ее расширившихся от ужаса глаз был прикован к мужчине, который стоял на парапете моста, метрах в двух от нее. Женщина растерянно поводила головой из стороны в сторону в надежде, что ее услышат и придут на помощь. Никто ее не услышал. Хотя час был еще не поздний, других прохожих на мосту поблизости от нее не оказалось. По проезжей части один за другим проносились автомобили и автобусы. Гулко погромыхая, мимо проехал трамвай, пассажиры которого прильнули к окнам и с изумлением провожали взглядом открывшуюся перед ними странную картину. Остановка на мосту запрещена правилами дорожного движения.

Стоявший на парапете мужчина с короткой, по военному, светло-русой стрижкой, лет 35-ти на вид, был полностью обнажен. Его мускулистой фигуре позавидовал бы и профессиональный спортсмен. Свет уличного фонаря, висевшего почти прямо над ним, вкуче с игрой сгущающихся сумерек, лишь подчеркивал рельефы сильных мышц. Он был строен и подтянут. Лишь в области живота угадывалась едва наметившаяся жировая возрастная прослойка. Его крепкие ноги были расставлены на ширине плеч, сильные руки раскинуты в стороны под прямым углом, из-за чего мужчина напоминал собой живой крест. Стоял он лицом к реке, невозмутимо катившей свои темные воды в нескольких десятках метров внизу. Туда, вниз, в речные глубины, рисковал сорваться в любой момент этот нагой человек.

Пожилая женщина, невольно ставшая очевидцем происходящего, чувствовала противный липкий страх. Боялась она не за себя, а за этого человека, которого она, вероятно, никогда раньше не видела и не встречала, хотя проживали они в одном, относительно небольшом городе. В эти мгновения она воспринимала его как своего родного, жизнь которого может вот-вот оборваться. От страха сжало ее собственное, бешено колотившееся сердце. Кровь почему-то отлила от лица, стремительно побелели ее губы, руки, усыпанные старческими веснушками, стали ледяными.

— Не надо, не делай этого... Не прыгай... — хотела выкрикнуть пожилая женщина, но с ее пересохших губ сорвался лишь хрип.

Однако мужчина ее услышал. Он слегка, словно нехотя, повернул голову в ее сторону, равнодушно скользнул по ней взглядом. Затем повернул голову в противоположную сторону. В его темных глазах тут же заплескали огоньки. В них отражалось пламя, жадно пожиравшее тентованную, прорезиненную крышу летнего кафе, веранда которого располагалась прямо на

берегу, примыкая к ресторану, квартировавшему в старинных Торговых рядах. Вокруг гибнущей веранды беспорядочно столпились десятка два перепуганных человек. Большинство из них были посетителями, которые в испуге выбежали из кафе, когда начался пожар. Некоторые из них растерянно и зачарованно глядели на то, как пламя стремительно пожирает веранду, разрастаясь с каждой секундой. Другие, заложники цифровизации, снимали происходящее на камеры мобильных телефонов. Кто-то вызывал пожарных, кто-то размахивал руками, призывая окружающих срочно что-то предпринять.

Все это будто на века отпечаталось в глазах мужчины. Он по-прежнему стоял на парапете, раскинув в стороны руки и ноги. И напоминал пловца, который готовится нырнуть в воду и на скорость проплыть бассейн. Только под ним лежал не бассейн, а река, встретившая и похоронившая за годы своего существования многих таких же, как он.

Количество очевидцев стало расти. Пожилая женщина и не заметила, как вокруг нее образовалась целая толпа. К месту происшествия, наконец, подоспели пешеходы, пересекавшие мост. Кто-то из смельчаков-водителей первым нарушил правила дорожного движения и затормозил прямо на середине моста. Это едва не привело к аварии — двигавшийся вслед за ним кроссовер, резко взвизгнув тормозами, остановился в считанных сантиметрах от чужого бампера. Движение тут же замедлилось, а затем встало окончательно, образовалась плотная пробка. Встревоженные, ничего не понимающие люди выходили из машин, громко хлопая дверцами.

Внимание их было рассредоточено. Очевидцы удивленно переводили взгляды с мужчины на пожар, разгоравшийся все сильнее на берегу, и обратно. Конечно же, нашлись те, кто начал снимать происходящее на мобильник. Они тоже попеременно переводили камеры с мужчины на пожар и обратно. Несколько юношей вели стрим — онлайн-трансляцию в сети. Галдеж толпы стали прорезать резкие, нервные выкрики. Одни призывали мужчину немедленно спуститься с парапета. Другие предлагали стащить его с парапета с силой. Следуя этому призыву, сразу несколько прохожих, не сговариваясь, рванули к парапету, чтобы снять с него человека, рискующего погибнуть. Не успели, тот опередил их всего на секунду. Глубоко вдохнув, он широко взмахнул руками, пружинисто оттолкнулся от парапета ногами и, сложив руки перед собой «лодочкой», стремительно полетел вниз, где с нетерпением ждала его хищная река.

Толпа громко охнула. Люди синхронно бросились вперед и прильнули к парапету, смотрели вниз, гадая, погиб он или нет. По темной поверхности реки заскользил луч прожектора. К месту происшествия, негромко тарахтя, спешил катер с расположенной неподалеку спасательной станции. Внезапно луч выхватил коротко стриженую голову над речной водой, и толпа с облегчением вздохнула — жив! Минуту спустя спасатели уже поднимали пловца в свой катер, а очевидцы начали стремительно очищать мост. Интерес к прыгуну у них пропал. Они бежали туда, где полыхал пожар, начиная кашлять и задыхаться от гари, повисшей в воздухе. Дым густом столбом уходил ввысь и в сумеречном свете выглядел еще чернее, чем был на самом деле. Едкий запах горячей резины до слез раздражал глаза, болезненно покусывал легкие. Но люди все равно бежали к месту пожара, прикрывая рты и носы, кто чем мог. Одних подгоняло желание помочь, другие бежали из праздного любопытства.

Под шум сирен к горящей веранде одна за другой подъехали три пожарные машины, в чередующемся свете «мигалок» люди в спецодежде деловито приступили к тушению огня. Прыгун, укутанный спасателями в одеяло, сидел в катере и отрешенно смотрел на пожар. Лишь он один знал, что произошедшее — не случайность. И понимал, что спасение его жизни может привести к еще более ужасающим событиям и их последствиям.

«Никто теперь не сможет чувствовать себя в полной безопасности», — мрачно подумал он.

«Аркаим» просыпается

Объект №17, Якутия

Общая площадь зоны вечной мерзлоты в Якутии превышает 1,5 миллиона квадратных километров. Особенностью ее северной части является непрерывность. Условия здесь суровые, но человек давно доказал, что он способен комфортно жить и на такой земле. Это доказали еще древние люди, в распоряжении которых не имелось ничего, кроме примитивных орудий и инструментов, а вместо одежды они кутались в звериные шкуры. Тем не менее, они выжили, наперекор всему, бережно передавая традиции, знания и умения из поколения в поколение. В наши дни решающее слово говорят технологии. Зона вечной мерзлоты в Якутии, одна из самых глубоких на планете, перестает быть смертоносной, если ты владеешь и правильно распоряжаешься технологиями, подчиняя себе природу.

В районе реки Вилюй глубина зоны вечной мерзлоты достигает 1370 метров, глубже нее на Земле зоны нет. Здесь, скрытый от чужих глаз, невидимый даже космическим спутникам, отлично замаскированный располагается секретный бункер Главного разведывательного управления (ГРУ). Службу в нем несут контрактники, как военнослужащие, так и гражданские лица. С каждого взята подписка о неразглашении государственной тайны. Выезд за рубеж для них навеки закрыт.

Живут они здесь постоянно, круглосуточно и круглогодично, лишь иногда уезжая в отпуск. Бункер, обозначенный в засекреченной документации шифром «Объект №17», на самом деле представляет собой подземный город, имеющий всю необходимую инфраструктуру. Здесь есть дома — специальные капсульные отсеки, офисы, спортзалы и стадионы, театры и кинотеатры, больницы, склады и столовые, школы и детсады, магазины и кафе. Имеются автономные «вечные» генераторы для выработки электроэнергии и тепла, производства и подачи горячей и холодной воды. Работает установка для фильтрации и подачи воздуха, а система климат-контроля поддерживает комфортную температуру. Есть даже теплицы, сады с живыми деревьями, кустарником и цветами и много всего прочего, к чему так привыкли обычные горожане. Если не брать во внимание тот факт, что над головой находится искусственный купол, а не чистое небо, то и не заметишь, что живешь под землей.

Город занимает огромную площадь и состоит из нескольких уровней, связанных не только пешеходными, но и транспортными артериями. Строить его начали еще во времена СССР. Изначально он задумывался как командный пункт для высшего руководства на случай ядерного удара со стороны вероятного противника. Город защищен так, что способен выдержать прямое попадание ядерной бомбы и даже не одной. В 1990-е годы «Объект №17» в глазах нового руководства страны утратил свое значение. Его планировали закрыть, но кто-то из дальновидных военных в верхах, не изменивший присяге, сумел этому помешать. Каким-то чудом информацию о нем удалось скрыть от США, хотя в те времена некоторые взлетевшие наверх начальники безрассудно передавали секретные данные своим новым «трансатлантическим партнерам», которых наивно перестали считать врагом. Время доказало, что они были не правы.

В течение десяти лет бункер охраняли солдаты-срочники. Все изменилось, когда президент России Владимир Путин произнес свою знаменитую речь на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности. 10 февраля 2007 года он озвучил предельно четкое послание: нет расширению НАТО на восток, нет однополярному миру. Россия не намерена принимать подчиненную роль в международных делах и готова продолжать курс на всеобщее разоружение. Это пойдет на пользу всему миру. Глобальный Юг принял речь с одобрением. Запад же понял,

что она ставит крест на мечтах глобального капитала прибрать к своим рукам пятую часть суши с ее практически неиссякаемыми запасами стратегически важных ресурсов. Запад перестал скрывать свои истинные намерения, и мир вновь почувствовал дыхание Холодной войны.

Вопреки своим обещаниям, НАТО рвануло на Восток, агрессивно расширяя свои границы, пока они не коснулись границ России. Огромная страна, «не сходя с места», оказалась окружена недружественными государствами. В опасной близости от границ России появились воинские подразделения тех стран, которые веками на нее вероломно нападали. Появились у границ и аэродромы с вражескими самолетами, способными нести ядерное оружие. Россия получила новый вызов, угрожающий самому ее существованию. И, естественно, приготовилась себя защищать.

Тогда-то и вспомнили о засекреченных подземных объектах, которых во времена Советского Союза много было построено в рамках специальной долгосрочной оборонительной программы. «Объект №17» быстро привели в порядок, оборудование в нем модернизировали. Его включили в общую разведывательную сеть страны. А после валдайской речи, которую Путин произнес 24 октября 2014 года и которую многие на Западе сочли продолжением мюнхенской речи, «Объект №17» начали превращать в город. Его строительство еще продолжается и будет длиться, вероятно, еще не один год. Но уже сейчас он способен вместить до двадцати тысяч человек и обеспечить им комфортное проживание на протяжении как минимум столетия.

Пока необходимости в эвакуации населения нет, в этом городе живут и работают около ста специалистов. И около двадцати из них работают над проектом «Аркаим». Так условно обозначен квантовый суперкомпьютер, о существовании которого за пределами подземного города знают лишь избранные люди. На вооружение его поставили в 2024 году. С его помощью собирается и анализируется информация, стекающая в сеть по всему миру. «Аркаим» помогает секретным службам выявлять потенциальные угрозы государству. Это ответ России на аналогичный проект, который в США реализует Агентство национальной безопасности (АНБ).

Суперкомпьютер скрыт в глубокой шахте. Вокруг него выстроен один из мощнейших в мире центров обработки данных. Вечная мерзлота служит природным охладителем — низкая температура окружающей среды позволила сэкономить очень ценное пространство, которое при других условиях заняли бы энергозатратные системы кондиционирования. И такой дата-центр не оставляет углеродного следа в атмосфере, поэтому даже спутники-шпионы не могут его засечь.

В одном из офисов дата-центра в удобном кресле расположился оператор суперкомпьютера «Аркаим», старший лейтенант Евгений Белов. Он пил чай, буднично, но внимательно всматриваясь в строки, бегущие по крупному монитору, стоявшему перед ним на столе — сенсорной панели. По обе стороны от него находилось еще несколько мониторов, каждый транслировал что-то свое. Десятки мониторов также были развешаны по стенам округлого помещения, погруженного в полумрак — освещали его только мониторы. Они транслировали то, что происходит по всему миру, в режиме реального времени. Оператор мог отслеживать не только новости, появляющиеся в сети. Он мог отслеживать вообще всю информацию, как только она попадала в сеть. При желании оператор мог сделать запрос и тут же узнать, кто только что в мире открыл свой сайт, кто совершил покупку в интернет-магазине, кто отправил электронное письмо или лайкнул чей-то пост. Он мог подключиться в режиме онлайн к любой видеокамере в мире.

«Аркаим» видел все.

Человеческий мозг не способен в мгновение ока проанализировать колоссальный объем информации. Но «Аркаим» благодаря своему квантовому «нутру» отлично справлялся с такой задачей и выводил на экраны только самое важное — то, на что конкретно был настроен его алгоритм. Операторов в дата-центре было несколько, и у каждого имелся свой круг полномочий, своя специализация, свои задачи. Никто из них не знал, какие именно задачи решают

их коллеги из соседнего офиса. Отвечать они могли только за свой функционал. Говорить о работе с другими обитателями города было строго запрещено. Не говоря уже о таких разговорах за пределами города.

Белов и его сменщик, поочередно дежурившие на своем посту по 12 часов в сутки, занимались крайне специфическим подпроектом. Они отслеживали «события типа «К» — идентичные события, происходящие практически одновременно в разных точках земного шара. Впервые «Аркаим» засек их в 2025 году. И поначалу это была своего рода игра в вероятностную статистику. Компьютер заметил, что иногда двое разных людей, находящихся в разных странах и не имеющих между собой абсолютно никакой связи, совершают идентичные поступки. Особенность таких событий заключалась в том, что они происходили в разных уголках земного шара практически одновременно. Погрешность исчислялась какими-то секундами.

В строго математическом смысле вероятность синхронного совпадения таких событий равна нулю. Но в бытовом смысле вероятность имеется — она не равна нулю, но стремится к нулю, что не исключает вероятность возникновения единичных удивительных совпадений, скажем, на миллиард попыток. Поначалу именно на случайные совпадения все и списали. Но затем количество таких событий, выявленных «Аркаимом», стало расти с пугающей прогрессией. Аналитики пригляделись, и то, что поначалу они приняли за цепь случайностей, постепенно превратилось для них в закономерность. В закономерность, которую они наблюдали, но не могли объяснить.

Возникло подозрение, что за одинаковыми событиями, происходящими как бы независимо друг от друга с совершенно разными людьми, что-то или кто-то стоит. И тогда на высшем уровне было принято решение создать отдельный, совершенно секретный проект, целью которого было выяснить — что происходит? Руководила им майор Елена Соболева, 35-летний военный аналитик и психолог. Она прошла не одну войну, на сирийской получила ранение. После контузии ее не демобилизовали только потому, что вмешался ее отец, важный чин в Минобороны. Соболеву перевели в аналитику, а вскоре появился новый подпроект. Для Соболевой он оказался отличным шансом не только остаться на службе, а ничего иного она для себя и не представляла, но и шансом на новую жизнь. Семьи у нее не было, хотя она, порой, мечтала о ней. Поэтому майор Соболева без колебаний приняла приказ возглавить проект «События типа «К». Напрямую она подчинялась только генералу Шахову, командовавшему всем «Объектом №17».

Один из алгоритмов «Аркаима» настроили на поиск событий типа «К», а для их анализа создали специальный отдел под руководством Соболевой. За весь проект «Аркаим» посменно отвечала дежурная бригада. На время своего дежурства начальник смены формально становился главным. Но реально Соболева всегда оставалась командиром своего небольшого, совершенно секретного аналитического подразделения и имела право не выполнять приказы начальника смены, хотя до такого еще не доходило ни разу.

Белов вздрогнул — мониторы начали выдавать что-то странное. Он поставил чашку на стол, подался в кресле вперед. Лейтенант не верил своим глазам. Система внезапно выдала всплеск данных: одновременно в разных географических зонах фиксировались события типа «К». Мир будто сошел с ума. Такого не было еще никогда. «Суицид после успешного действия», — громко произнес роботизированный голос виртуального помощника, заполнивший помещение. Белов снова вздрогнул, роботизированный голос застал его врасплох. Лейтенант сейчас напоминал озадаченного программиста, чей код пытается взломать неизвестный хакер. Если бы не его форма, офис ничем не напоминал бы военный объект, скорее, центр программирования.

— Суицид после успешного действия? — удивленно повторил Белов и присвистнул. Такого он еще не видел. Главный монитор внезапно заполнился красными маркерами. Опас-

ность, опасность, несчастное событие, словно кричали они. «Суицид после успешного действия, суицид после успешного действия, суицид после успешного действия», — бесстрастно повторял «Аркаим», но Белову чудилось, будто нейросеть сошла с ума и вопит во весь голос, пытаясь предупредить его о чудовищной угрозе, срывая связи. Хотя откуда у виртуального помощника могут быть связи?

Белов растерянно взглянул на огромную сенсорную панель управления, вмонтированную в стол. Подумав, нажал на одну из кнопок, вызывая начальника смены. Он не торопился докладывать о нештатной ситуации Соболевой. Сначала надо было убедиться в том, что это не технический сбой. На мониторе слева от главного экрана тут же всплыло окно, и начальник смены вышел на видеосвязь. Лицо было встревоженным, его крайне редко вызывали на связь из офиса Соболевой.

— Товарищ полковник, разрешите доложить! — волнуясь, выпалил Белов, нервно облизнув пересохшие губы.

— Докладывайте, что произошло? — приказал полковник Ершов.

— «Аркаим» выявил подозрительные паттерны. Я не понимаю, что происходит. Вывожу на ваш монитор интерфейс «Аркаима». На словах это сложно объяснить.

— Соболева в курсе?

— Никак нет, пока не докладывал. Возможно, это просто технический сбой.

— Проверим, — сухо ответил полковник Ершов.

Белов провел несколько манипуляций с панелью управления и открыл доступ к своим данным Ершову. Тот смотрел на монитор и удивленно качал головой. Нейросеть «Аркаима», обученная на триллионах событий, умела находить паттерны, которые человеческий глаз никогда бы не заметил. И сейчас на мониторе бешено мелькали имена, геолокации и фотографии людей, живших по всему миру. «Аркаим» специально помечал тех из них, кто уже умер. А применительно к другим система предсказывала: через несколько дней они тоже умрут. Причем из жизни уйдут добровольно.

— Статистика выглядит абсурдной, — констатировал, наконец, полковник Ершов. — Проверим алгоритм.

— Принял, — ответил Белов.

— Сбоя нет, докладывайте Соболевой, — приказал Ершов через несколько минут, после того, как дежурная техническая группа провела диагностику.

— Есть, — ответил Белов, а затем с ужасом прошептал. — Кажется, это уже не статистика.

Его озарила страшная догадка.

— Это оружие!

Последний день Маркуса Вебера

Город Берлин, Германия

Маркус Вебер, физик-экспериментатор, около пяти часов вечера шел с работы домой. Путь его лежал на железнодорожный вокзал Zoo, известный как «Зоологический сад». Такое название он получил из-за соседства с Берлинским зоопарком, который во времена существования ГДР стал одним из самых необычных символов тоталитарного режима. Ассоциативное мышление западной прессы годами вгоняло в головы зрителей и читателей простую мысль о том, что жители стран Варшавского договора, некогда мощного Восточного блока, созданного по инициативе СССР в противовес НАТО, томятся в таких же клетках, что и звери в зоопарке.

В эпоху Холодной войны вокзал Zoo служил одним из ключевых международных транспортных хабов Берлина. Он расположен в районе Шарлоттенбург-Вильмерсдорф, рядом с известной торговой улицей Курфюрстендамм. Его логистическое значение в наши дни снизилось до городского уровня, но все равно осталось важным. Вокзал и сейчас является одной из основных транспортных артерий мегаполиса, хотя имеет всего две пассажирские платформы и четыре пути.

На одну из таких платформ и направлялся Вебер. Он двигался легким, пружинистым шагом. Ноги его были обуты в удобные, недавно купленные кроссовки. Внимательному наблюдателю в нем несложно было бы угадать ученого. Легкий коричневый пиджак над светло-голубой рубашкой, джинсы темно-синего цвета. На глазах — очки в модной оправе, в правой руке — кожаный, несколько истрепанный портфель, которым он помахивал в такт своим шагам. Облысевшая голова, что поделаешь — годы идут. Настроение его было приподнято. Пару недель назад его жизнь кардинально изменилась, и самым приятным для него было осознавать то, что никто вокруг об этих переменах не знал.

Маркус был одинок, если не считать нескольких родственников, живших в провинции, с которыми он редко общался. В Берлине он жил один, в хорошей квартире, приобрести которую ему помогла неплохая зарплата. Много лет Вебер, на днях отпраздновавший свое 46-летие, проработал в крупном исследовательском центре физики частиц, расположенном в Гамбурге. Занимался физикой ускорителей и работал над созданием источников синхротронного излучения. Его заметил один из крупнейших военных концернов Германии — Rheinmetall AG, системообразующий игрок всей европейской наземной оборонной промышленности.

Основанный в 1889 году, этот концерн много лет выпускает военную технику и вооружения — танки, самоходные артиллерийские установки, минометы, пушки, боеприпасы, двигатели и комплектующие для военной техники. В производстве всегда использовались новейшие разработки. Локальные войны последних лет показали, что решающее значение на поле боя стали играть технологии, а не героизм солдат. И концерн начал набирать перспективных ученых. Его штаб-квартира расположена в Дюссельдорфе, но Маркуса переманили и устроили в берлинский научно-исследовательский центр, существование которого концерн предпочитал не афишировать. Ученому назначили солидную зарплату, в том числе за молчание. И Маркус постепенно стал если не богатым, то вполне материально обеспеченным человеком.

Он вспоминал об этом, приближаясь размеренным шагом к железнодорожной платформе. Взгляд его, порой, машинально скользил по ярким граффити, которыми был испещрен забор по правую от него сторону. Эти граффити — отголосок традиции, порожденной в 1970-х годах, когда вокзал Zoo приобрел скандальную известность. Его окрестности, в особенности сторона, выходящая на Йебенштрассе, стали тогда местом притяжения для подростков-наркоманов и проституток.

Но Вебер думал не об этом, а о том, как кардинально изменилась его жизнь. Примерно две недели назад он впервые услышал Голос в своей голове. Это был чарующий Голос, женский, как ему казалось, который всегда говорил ему то, что на подсознательном уровне он хотел услышать. От похвал Голос постепенно перешел к внушению, но столь ненавязчивому, что Вебер начал думать, будто обрел дар слышать собственные мысли. Он решил, что звуковые идеи и решения ему подкидывает его собственное сознание. Первый испуг, а Вебер очень испугался, когда впервые услышал Голос, быстро прошел. Ведь он был физиком, и хотя его специализацией являлись практические эксперименты, а не теоретические изыскания, Вебер с молодости готовился к тому, что однажды его рассудок может помутиться. Он не раз видел, как в буквальном смысле слова сходили с ума его коллеги. И потому не удивился, услышав чарующий Голос в своей голове.

Испугался он лишь потому, что не хотел остаток своей жизни провести в специализированном медицинском учреждении, где, как он подозревал, над умалишенными ставят жуткие опыты. И потому решил скрыть ото всех, что слышит Голос. К тому же Голос все больше ему нравился. Он диктовал ему правильные слова и фразы, которые он успешно вворачивал при разговорах с коллегами и начальством, подсказывал верные шаги и решения. Голос словно обучал его правильно жить. Вебер больше не допускал житейских ошибок, которые были свойственны ему прежде из-за его врожденной рассеянности.

Голос был прав во всем и всегда, и когда Вебер выполнял его пожелания, которые все больше и больше напоминали приказы, Голос находил способ отблагодарить и мотивировать его. Со стороны это могло бы напомнить дрессировку собаки, которой кинолог дает лакомство в награду за выполнение его команды. Но дрессировка Вебера со стороны никому не была видна, а сам Вебер воспринимал происходящее не как дрессировку, а как плодотворное сотрудничество. И жалел он только о том, что Голос так поздно начал звучать в его голове. Эх, если бы он появился в молодости, каких высот бы он достиг!

И все же Вебер был доволен, потому что теперь он чувствовал в себе скрытую силу. Голос, дающий правильные подсказки, стал его суперсилой, которой не обладает никто другой в этом мире. Он стал его тайной, его оружием, его преимуществом, которое гарантирует превосходство над любым оппонентом. Он знал, что Голос подскажет выход из любой ситуации. Уже стоя на платформе в ожидании поезда, в окружении множества других пассажиров, Вебер с удовольствием мысленно выделял себя из толпы. Как же здорово, что они ничего не подозревают! «Все вы — обычные людишки, — думал он, — а я — особенный. Только особенный человек способен на особенные поступки».

Подумав об этом, Вебер довольно улыбнулся и украдкой скосил глаза, посмотрел по сторонам — не заметил ли кто его будто бы беспричинной радости? Нет, никто ничего не заметил, окружающим людям он вообще был безразличен. Их занимали собственные мысли, собственные заботы. Большинство из них уткнулись взглядами в свои смартфоны, их мир теперь лежал там, по ту сторону дисплея. Мир вообще стал иным, ушел в виртуальность, но Вебер недавно нашел способ вернуть людей в реальность. Вернее, Голос ему подсказал, как это сделать.

Воспоминания об этом еще больше подняли ему настроение. В выходные он, следуя подсказке Голоса, сорвал крупный куш в национальной лотерее, угадав все числа. Голос сам назвал их ему. Вебер, раньше не веривший в лотереи, выиграл более одного миллиона евро и оперативно получил деньги. Он отказался получать выигрыш в рассрочку, поэтому на руки ему выдали лишь часть денег — семьсот тысяч евро. Но его очень порадовала и такая сумма. Вебер еще не успел ощутить себя богачом и придумать, как потратить выигрыш, когда Голос подсказал ему неожиданный ход.

«Нет, только не это!» — мысленно возразил Вебер, но Голос был неумолим. Он нашептывал и нашептывал и сумел убедить Маркуса в том, что деньги тот должен раздать прохожим. «Таково мое условие. Но скоро ты выиграешь снова, и это будет твоя награда за особенный

поступок, — настаивал Голос. — Ты выиграешь намного больше, чем сейчас, но ты больше никогда не выиграешь, если не станешь особенным. Только особенный человек способен на особенные поступки! Ты — особенный человек?».

«Да, я особенный!», — мысленно воскликнул Вебер. «Тогда слушайся меня», — ответил Голос, и Маркус послушно ринулся на улицу, прихватив с собой выигрыш, который он сложил в портфель. Там он за десять минут раздал прохожим весь свой выигрыш, буквально совал купюры им в руки, чем привлек всеобщее внимание и стал интернет-мемом. В сети завирусилось видео, на котором облысевший человек средних лет сует деньги в руки незнакомых ему людей и кричит: «Мне воздастся!». Многие восприняли Вебера как чудака, у которого не все дома. Коллеги, видевшие ролик в сети, начали поглядывать на него с подозрением, но никто так и не решился сообщить о поведении Вебера в компетентные службы. Просто никто не был уверен в том, выбивается ли такое поведение за рамки границ, которые в свободном западном обществе стали меняться чересчур быстро. Вебер же просто был счастлив. Он чувствовал, что совершил еще один шаг на пути к чему-то очень важному.

К станции приближался поезд. Пассажиры пришли в движение, засуетились. Вебер почувствовал, как его начали подталкивать к краю платформы. Подойдя на близкое к путям, но безопасное расстояние, толпа остановилась. И только Вебер продолжил движение. Он и сам не понял как, но сделал еще несколько шагов к краю платформы и, наконец, шагнул с нее вниз, неловко приземлился на пути. Правую стопу пронзила острая боль. Ноги ему не подчинялись, они стали чужими и словно сами столкнули его на железнодорожные пути, а теперь, когда он в отчаянии попытался выбраться обратно на платформу, стали ватными и отказывались двигаться.

Вебер с ужасом смотрел на быстро приближающийся поезд. Машинист, заметив человека на путях, применил экстренное торможение и начал подавать предупреждающие гудки, словно они могли перенести Вебера на платформу. Попавшего в большую беду человека заметили другие пассажиры. В толпе раздались тревожные крики, слух обжег истерический женский визг. Несколько человек протянули Веберу руки, желая помочь ему подняться на платформу и избежать верной смерти. Вебер протянул было руки к ним, но с ужасом понял, что руки, как и ноги, перестали его слушаться. Он не мог их поднять, не мог сдвинуться с места. Внезапно он ощутил как бы «толчок в затылке» и снова услышал Голос:

«Ты выполнил все условия. А теперь — акт завершения».

Акт завершения? Что еще за акт? И тут Вебера осенило неприятной догадкой, он понял, что Голос всегда обманывал его. Это был бес, а не ангел, и он вовсе не хотел ему помогать. Он желал его смерти, а чтобы подвести его к гибели, предварительно поиграл с ним, усыпил бдительность, позволяя достигать всего, чего он только желал. Вот и выигрыш в лотерею являлся не наградой, а ловушкой, причем циничной, поскольку Голос отнял у него выигрыш так же легко, как его подарил.

Понимая, что он вот-вот погибнет под колесами поезда, огромной тяжелой махины, которую просто так не остановишь, Вебер, чей лоб покрылся холодной испариной, глубоко вздохнул и, собрав воедино все свои силы, совершил последнюю попытку спастись. Он рванул вверх и с радостью осознал, что его руки и ноги вернулись в подчинение, снова его слушались. В самый последний, решающий момент чьи-то чужие сильные руки цепко ухватили руки Вебера и втащили его на платформу. Едва Вебер оказался на ней, как за его спиной с пугающим свистом пронесся поезд, обдав его и других смертельно-холодным ветерком. Вокруг толпились люди, его спрашивали о самочувствии, подбадривали. Вебер, сидевший на асфальте, благодарно смотрел на них и растерянно кивал головой, глупо улыбался, а из глаз его текли слезы.

Сквозь толпу пробилась хорошенькая, крепко сбитая девушка в полицейской форме. Одним своим появлением она утихомирила окружающих, помогла Веберу подняться на ноги

и сопровождала его в медицинский пункт, где ему оказали первую помощь. Он прихрамывал, нога, поврежденная при падении на пути, немного побаливала. К счастью, у него не оказалось перелома, кости уцелели, как и связки. Но покой врач пациенту все же прописал. От госпитализации Вебер отказался, хотя пережил чудовищное нервное потрясение. Он мечтал как можно скорее добраться до дома, принять ванну и завалиться спать. Планировал отсыпаться несколько дней и не ходить на работу, сказавшись больным, тем более что необходимую бумагу станционный врач ему предоставил. Одобрил бы это Голос, он не знал, ведь Голос молчал. Маркус больше не слышал его. Покинув медицинский пункт примерно час спустя, он вызвал такси, решив, что поездом больше не поедет. Примерно за квартал до своего дома Вебер попросил водителя притормозить и выпустить его. Он внезапно решил прогуляться.

В кармане пиджака слабо пискнул смартфон, мобильное приложение автоматически списало с его банковской карты деньги за поездку на такси. Надо бы поставить таксисту пять звезд, устало подумал Вебер, глядя на его улыбающееся лицо. Водитель поблагодарил его за поездку и пожелал ему хорошего вечера. Вежливо ответив тем же, Вебер, по-прежнему прихрамывая, ступил на тротуар и потянулся в карман за смартфоном. Но тут его внимание внезапно привлекла яркая неоновая вывеска — в двух шагах от него располагалась аптека. Так и не достав смартфон, он решительно вошел в аптеку. Зачем он это сделал, Вебер не понимал. Неужели проделки голоса? Нет, голоса он не слышал. Значит, его ведут собственные мысли. За длинным стеклянным прилавком стояла девушка, приятная брюнетка лет 30-ти, с собранными в «хвост» длинными волосами. Она приветливо улыбнулась и поинтересовалась, какой товар ему нужен. Заметив, что посетитель прихрамывает, предложила.

— Я вижу, у вас травма. Что произошло?

— Ничего страшного, — спокойно ответил Вебер. — Просто оступился, скоро пройдет.

— Я могу предложить вам отличное обезболивающее средство, изготовленное на растительной основе, а также мазь, которая поможет травме быстрее зажить.

— В этом нет необходимости, — отказался Вебер. — Лучше дайте мне это лекарство.

Когда Вебер назвал лекарство, ухоженные брови девушки удивленно поползли вверх.

— Но это сильнодействующее вещество, которое применяется только при лечении онкозаболеваний, — сказала она. — Вы уверены, что вам нужен именно этот препарат?

— Да, уверен, — ответил Вебер, хотя и сам был удивлен, так как понятия не имел, откуда ему известно название препарата. Никогда раньше он о нем даже не слышал.

— У вас онкозаболевание? — допытывалась девушка, пристально и сочувствием заглядывая ему в глаза.

— Нет, — ответил Вебер и тут же исправился, — надеюсь, что нет.

— У вас есть рецепт? Этот препарат продается только по рецепту.

— Рецепта у меня нет, — теряя терпение, сказал Вебер.

— Без рецепта я не могу вам его отпустить, — категорично заявила девушка. — Вам надо взять рецепт у вашего лечащего врача. Я также могу предложить вам более безопасный аналог, который продается без рецепта. Но у него, конечно, не такой сильный эффект. Будете брать аналог?

«Не бери аналог, тебе нужен только оригинальный рецептурный препарат», — в голове вдруг раздался Голос, и Вебер похолодел.

— Нет, мне не нужен аналог, мне нужен только оригинальный рецептурный препарат, — процедил сквозь зубы Вебер, подчиняясь Голосу.

— В таком случае я ничем не могу вам помочь, — брюнетка развела руки в стороны и покачала головой. В следующий момент она увидела, как покупатель с перекошенным от ярости лицом выхватил из кармана пиджака складной нож. С пугающим щелчком выскочил клинок. Покупатель смотрел на нее взглядом безумца. Под угрозой ножа брюнетка передала

ему рецептурный препарат. Покупатель сунул его в карман вместе с ножом, поблагодарил ее извиняющимся тоном и выскочил на улицу.

— Черт возьми, что это было? — воскликнула брюнетка, с трудом переводя дух. В следующую минуту она уже звонила со своего смартфона в полицию и описывала приметы странного грабителя.

Тем временем Вебер добрался до дома. Он не знал, что его уже разыскивает полиция, но даже если бы и знал об этом, его это мало бы волновало. Все его мысли сосредоточились на том, чтобы забраться в теплую ванну и смыть с себя потрясения прошедшего дня. Прийти в себя, забраться в постель и забыться живительным сном, который, безусловно, поможет ему набраться сил. А уже затем, хорошенько выспавшись, он подумает, что делать с Голосом.

И только в голове Вебера пронеслась такая мысль, как Голос снова ожил. Он вновь очаровывал, вновь манил за собой. Сопrotивляться такому нереально. Повинуясь голосу, Вебер наполнил горячей водой ванну, разделся. Прежде, чем лечь в воду, открыл пузырек, отвоеванный в аптеке, поболтал им в воздухе, задумчиво прислушиваясь к шуршанию таблеток внутри пузырька. И снова почувствовал «толчок в затылке», такой же, как на станции.

«Ты выполнил все условия. А теперь — акт завершения», — безапелляционно повторил Голос, и через несколько минут перед Вебером распахнулись врата вечности.

Совершенно секретно, особой важности

Москва, штаб-квартира ГРУ

Штаб-квартира Главного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, которое многие по старинке называют Главное разведывательное управление, расположена в Хорошевском районе города Москвы. Оно выглядит не так мрачно, как могли бы предположить неосведомленные люди на Западе, привыкшие судить о России по безнадежно устаревшим шаблонам о матрешках, водке, балалайках и медведях на улицах. Это ультрасовременное здание отличается обширным остеклением, из-за чего в простонародье его прозвали «аквариумом». Штаб-квартира ГРУ не всегда находилась здесь. До 2006 года ведомство квартировало в районе Ходынского поля, а в новый комплекс переехало, когда он был построен на бюджетные деньги. Его общая площадь оценивается примерно в 70 тысяч квадратных метров. Состоит комплекс из девяти надземных этажей и нескольких подземных.

В здании расположен ситуационный центр, в котором ведется круглосуточный мониторинг текущей обстановки, и командный пункт, в который стекается информация от всех видов разведки, в том числе получаемая со спутников в режиме реального времени. Комплекс представляет собой настоящий город в городе. К услугам сотрудников бассейн, боксерский ринг, борцовский зал, залы для игры в баскетбол, волейбол, футбол и гандбол, тренажеры и теннисные корты. На крыше расположены две вертолетные площадки.

Также в комплексе имеются автономные отсеки, доступ в которые возможен только с помощью электронных ключей. Каждая такая комната контролируется системой наблюдения. В одной из них располагается служебный кабинет генерала Емельянова. Он курирует проект «Аркаим». За спиной генерала — богатый послужной список, он опытный разведчик, много лет проработавший «в поле». Кабинетная служба слегка его тяготит, ведь в свои 65 лет он все еще полон сил и здоровья. Но выбора у него нет — на пост его назначило высшее руководство, а служебный долг стране необходимо отдавать, где бы ты не служил.

Емельянов сидел в удобном кожаном кресле за своим Т-образным столом. За его спиной, на стене висели портреты президента и министра обороны. Помещение заливал мягкий искусственный свет. Окон здесь не было, поскольку кабинет залегал глубоко под землей, гарантируя его обладателю безопасность в случае налета врага. По соседству располагалось несколько смежных помещений, в которые вели потайные двери. Одно из них предназначалось для секретных совещаний с очень ограниченным кругом участников. В другом располагалась комната отдыха, где Емельянов мог принять душ, поесть и поспать. Он часто пользовался этой комнатой, поскольку сутками оставался на работе.

По обе стороны от него за столом сидели генерал Шахов и майор Соболева. Все трое были одеты по форме. Емельянов, надев на кончик носа очки, быстро, но очень внимательно читал отчет, напечатанный на бумаге. Таково одно из требований безопасности — электронные устройства, носители информации стали небезопасными. Поэтому в кабинете Емельянова не имелось даже простенького компьютера, а смартфоны, изготовленные по спецзаказу военного ведомства на закрытом предприятии, сейчас лежали в специальном контейнере, отключенными. В случае необходимости Емельянов мог воспользоваться ноутбуком секретной связи, который также хранился в спецконтейнере, в комнате для совещаний.

Изучаемый им отчет составила майора Соболева после того, как они с генералом Шаховым обсудили нештатную ситуацию, связанную с «Аркаимом». А ситуация требовала незамедлительного вмешательства. Отчет имел гриф «Совершенно секретно, особой важности». Прочитав до конца, Емельянов положил на стол последнюю страницу, снял очки, закрыл глаза

и потер переносицу с видом очень уставшего человека. Затем хмыкнул, надел очки и поочередно взглянул на своих посетителей. Те молча ожидали, что он скажет. Лица обоих скрывала маска чрезвычайной серьезности. Емельянов чуть дольше, чем требовалось, задержал взгляд на Соболевой. «Красивая женщина, — подумал он, оглядывая блондинку. — И чего ей дома не сидится? Вышла бы замуж, растила детей».

— А ведь мы хотели через годик закрыть ваш проект, думали, статистическая погрешность, — вздохнул генерал Емельянов, оторвав, наконец, взгляд от привлекательной подчиненной, и поднял со стола один из листов отчета. — Это все?

— Никак нет, товарищ генерал, — ответил Шахов. — Есть презентация. Разрешите показать?

— Разрешаю.

Шахов кивнул Соболевой, та встала из-за стола и отошла к противоположной стене кабинета. При помощи пульта она опустила экран, затем подключила к интерактивному проектору флеш-накопитель и нажала на кнопку пуска. Свет в кабинете автоматически погас, и экран засветился яркими картинками. Проектор поочередно демонстрировал то фотографии, то видео, то инфографику. Соболева вооружилась лазерной указкой, встала рядом с экраном и начала комментировать презентацию.

— События типа «К» «Аркаим» впервые зарегистрировал в июне 2025 года, — сказала майор Соболева, когда на экране появилось изображение колумбийской улицы. — 11 июня в городе Богота, Колумбия, безработный гражданин по имени Антонио Варгас вошел в отделение местного банка, облил бензином банкомат и поджег его с помощью зажигалки. Выкрикнув слова «Мне воздастся!», он выбежал из отделения банка на улицу и бросился под колеса проезжавшего мимо грузовика. Варгас получил смертельные травмы и был доставлен в больницу, где умер спустя несколько часов, не приходя в сознание. Мотив его поступка остался неизвестным. По официальной версии расследования, которое проводила полиция, Варгас таким способом выразил свой протест против банковской системы.

Слова Соболевой сопровождалась фото- и видеорядом. На экране также попеременно мелькали скриншоты сообщений об этом происшествии из новостных лет. Затем во весь экран высветилась фотография Варгаса, он был запечатлен во дворе своего дома. Жгучий брюнет с ослепительно белой улыбкой, он не выглядел несчастным. Варгасу на момент смерти было около 30-ти лет. Примерно за год до инцидента он потерял работу, раньше Варгас трудился рабочим на стройке. Найти новую работу ему не удалось, но за неделю до происшествия он крупно выиграл в букмекерской конторе и даже стал героем публикаций. Местная пресса писала, что счастливчик сорвал крупный куш, точно угадав не только победу аутсайдера футбольной лиги над лидером, но и счет. Аутсайдер выиграл со счетом 4:1, а букмекеры очень низко оценивали шансы на такой исход. Соответственно, коэффициент на такое событие оказался очень высоким. Варгас поставил сто долларов США, и угаданная ставка позволила увеличить его капитал в 250 раз. Получив выигрыш, Варгас в тот же день полностью пожертвовал его благотворительному фонду, занимающемуся сбором средств на лечение детей от редких заболеваний.

— А это — Андрей Севостьянов, житель города Тулы, — продолжила майор Соболева, когда на экране появилась фотография приятного шатена; на виде ему тоже было около 30-ти лет. — 11 июня 2025 года он вошел в отделение банка, облил банкомат бензином, который специально принес с собой в пластиковой бутылке. Затем при помощи зажигалки поджег банкомат, крикнул, повернувшись в камере видеонаблюдения, слова «Мне воздастся!». После Севостьянов выбежал на улицу и бросился, а уличные камеры подтверждают, что он именно бросился, а не попал под колеса проезжавшего мимо КамАЗа. Как и в предыдущем случае, пострадавшего доставили в больницу, где он умер несколько часов спустя, не приходя в сознание.

— Так-так-так, — произнес Емельянов, постучав в такт своим словам пальцами по столешнице.

— Инцидент тульская полиция списала на мошенничество. По версии следствия, телефонные мошенники обманом заставили Севостьянова совершить то, что он сделал. Нам известно, что такая практика действительно существует. Граждане поддаются под мощное влияние мошенников и совершают поступки, на которые при других обстоятельствах никогда бы не решились. Однако данные «Аркаима» заставляют в этом усомниться.

— Причины? — уточнил Емельянов.

— Разрешите мне, товарищ генерал, — попросил Шахов. Получив разрешение, он тоже поднялся из-за стола и подошел к экрану с другой стороны, встав напротив Соболевой.

— «Аркаим» выявил почти абсолютную синхронность событий, которые совпали, в том числе, по времени. Мы установили, что Севостьянов за неделю до происшествия в банке, как и Антонио Варгас, крупно выиграл в букмекерской конторе. Он поставил 10 тысяч рублей на то, что аутсайдер футбольного первенства выиграет у лидера со счетом 4:1. Ставка увеличила его капитал в 250 раз. Получив выигрыш, Севостьянов перевел его на расчетный счет благотворительной организации, помогающей детям с орфанными заболеваниями. Особую отмечу хронологическую синхронность: разница во времени нападения Варгаса и Севостьянова на банкоматы, если считать по местному времени, составила семь секунд. Разница во времени смерти Варгаса и Севостьянова тоже составила семь секунд. После того случая был создан наш подпроект, а «Аркаим» начал отслеживать события типа «К». В течение нескольких месяцев он регистрировал лишь единичные события, но они выходили за рамки статистической погрешности. А за последние три дня «Аркаим» зафиксировал 44 парных синхронных события. Что самое важное — одно из синхронных событий в каждом, подчеркну, в каждом случае происходило на территории России. В остальных странах зафиксировано не более чем по одному событию. Разрешите привести свежий пример?

— Разрешаю.

— Елена..., — кивнул ей Шахов

Слово вновь взяла майор Соболева. Она нажала на пульт, и на экране высветилось видео.

— Это запись с уличных камер видеонаблюдения, сделана в Берлине 11 июня 2026 года, — пояснила майор Соболева. — На экране — Маркус Вебер, физик из частного научно-исследовательского центра, входящего в структуру военного концерна «Рейнметалл». Он раздает деньги прохожим. Записи очевидцев позднее появились в сети и имели широкий общественный резонанс. Их просмотрело несколько миллионов пользователей. По нашим данным, Вебер выиграл в национальную лотерею один миллион евро. После проведения необходимых процедур на руки он получил семьсот тысяч евро. Все деньги Вебер роздал случайным прохожим. Не похоже, что делал он это недобровольно.

Соболева вновь нажала на пульт. Картинка на экране сменилась. Теперь на ней демонстрировалась запись с видеокамер, установленных на берлинском железнодорожном вокзале. Соболева взяла указку и навела лазерный луч на человека, стоявшего ближе остальных к железнодорожным путям.

— Это тоже Вебер, — пояснила она. — События происходят 18 июня 2026 года, то есть спустя неделю после того, как он роздал деньги прохожим. Вебер пришел на станцию, возвращаясь с работы домой. Как видно, он стоит совершенно спокойно. Его ничто не тревожит, он ни на что не отвлекается, не разговаривает по мобильному телефону, не имеет контакта с другими пассажирами. Выражение его лица наводит на мысль, что настроение у него приподнятое. А теперь, внимание — приближается поезд. Вебер сам, это отчетливо видно по записи, шагает вперед и приземляется на пути. Он не упал туда случайно, это был намеренный поступок. Но мы видим, что он сильно напуган. Он словно парализован. Смотрите, люди пытаются ему помочь, но он сам не делает ничего для своего спасения. Он только смотрит то на людей,

то на поезд. Вебер не может не понимать, что через несколько секунд поезд его собьет, и он погибнет. Катастрофа кажется неизбежной, но в последний момент Вебер все-таки вскидывает руки вверх. Он молит о помощи, и люди вытаскивают его на платформу. Жизнь спасена только чудом. Полиция отводит Вебера в медицинский пункт. Он прихрамывает, видимо, все-таки получил травму ноги. Примерно час спустя он покидает медпункт, садится в такси и отправляется, судя по маршруту, к себе домой. Однако за квартал до дома такси неожиданно останавливается и высаживает Вебера. Далее следим за ним по записям видеокамер, установленных на улице и в помещении аптеки, в которую вошел Вебер.

Генерал Емельянов задумчиво наблюдал за тем, как Вебер беседует с продавщицей, затем выхватывает нож из кармана и под его угрозой получает лекарство.

— Полиция обнаружила тело Вебера утром 19 июня, он лежал в ванне, в своей квартире, — продолжила Соболева. — Полицию вызвали соседи снизу, у которых с потолка начала сочиться вода. На звонки и стук в дверь Вебер не реагировал. Поэтому соседи позвонили в полицию. Когда вскрыли дверь, Вебер был мертв, он умер за несколько часов до этого. Причина смерти — передозировка сильнодействующего препарата, того самого, который Вебер забрал, ограбив аптеку. Мы уточнили, это препарат от онкологии. Но у нас нет никаких данных, указывающих на то, что Вебер страдал онкозаболеванием.

— То есть Вебер добровольно ушел из жизни спустя пару часов после того, как чудом спасся на станции? — скорее констатировал, чем спросил генерал Емельянов.

— Так точно, товарищ генерал, — ответил Шахов.

— Так, может, он не хотел, чтобы его спасали на станции? И потом просто сделал, что хотел сделать первоначально?

— Такую версию исключать нельзя, товарищ генерал, — согласился с ним Шахов. — Но в данном контексте поиск мы акцентируем не на мотиве, а на синхронности событий. Елена, вам слово.

Соболева переключила видео. Теперь перед зрителями предстала Красная улица — центральная улица города Краснодара, которая располагается между Постовой и Офицерской улицами. На ней расположены администрации Краснодара и Краснодарского края. На экране возникло фото, крупным планом шатенка лет за сорок.

— Это Анастасия Мошкина, жительница Краснодара, — сообщила Соболева. — 45 лет, одинока, детей нет. Состояла в браке, но развелась 11 лет назад. С тех пор жила одна в скромной квартире на окраине города. Работала учителем русского языка и литературы в школе. Обратите внимание — 11 июня 2026 года на улице Красной ее задержали сотрудники полиции.

— Причина? — уточнил Емельянов.

— Мошкина раздавала наличные случайным прохожим. После проверки и осмотра врачом ее отпустили. Оказалось, что она выиграла крупную сумму в лотерею, что-то около пятидесяти миллионов рублей. Она сама пожелала, чтобы выигрыш ей выплатили наличными. И практически тут же раздала его прохожим.

— Как и Вебер, — заметил Емельянов.

— Да, но Вебер — обеспеченный человек. А Мошкина — человек бедный, — добавила Соболева. — Трудно представить, чтобы она решилась просто так раздать деньги, которые внезапно свалились на нее с неба. Версию о психическом расстройстве отвергли осмотревшие ее врачи. Неделью спустя, 18 июня, тело Мошкиной нашли прохожие под окнами ее квартиры. Она жила на пятом этаже. В протоколе осмотра квартиры указано, что окно было закрыто. Но открытой оказалась дверь на балкон. Признаков насильственной смерти эксперты не обнаружили. Дело закрыли. Но что особенно интересно, за пару часов до этого Мошкина чудом спаслась из-под колес пригородного поезда

— Она шагнула на пути, а в последний момент ее спасли другие пассажиры? — предположил Емельянов, задумчиво закусив дужку очков.

— Так точно, товарищ генерал, — снова взял слово Шахов. — Синхронизация событий, в том числе по времени, почти идеальная. Но финал по способу исполнения различается.

— Мы предполагаем, что рассинхрон в данном случае мог произойти из-за национальных особенностей, — вставила слово Соболева.

— Так, поясните.

— Во-первых, Вебера не задерживала полиция. В Германии его поведение не сочли выходящим за рамки закона. В Краснодаре полиция действовала по инструкции. Человек, щедро раздающий деньги на лице незнакомым людям, вызвал закономерное подозрение в том, что он может быть психически нездоров. Возможно, это сказалось на дальнейшем поведении. Во-вторых, лекарства, которое забрал из аптеки Вебер, в России нет в свободной продаже. Мошкина могла бы остановить выбор на другом препарате. Мы проверили, по пути домой она тоже, как и Вебер, заходила в аптеку. Но ушла, ничего не купив. Может быть, поэтому Вебер выбрал ванну, а Мошкина — балкон. Но итог все равно одинаковый, оба теперь мертвы. Рассинхрон по времени их смерти составляет все те же 7 секунд. Вебер умер на 7 секунд раньше Мошкиной. Кстати, выигрыш они получили в один день.

— Вывод? — спросил Емельянов.

— Мы проанализировали все 44 синхронных события типа «К», зарегистрированных за последнее время, — доложил Шахов. — Объединяющих черт крайне мало. У всех людей — разные профессии, доходы, религиозные взгляды, возраст. Общее то, что из жизни все они ушли добровольно, перед этим совершив какой-либо неординарный поступок: ограбление, поджог, было даже спасение утопающего. Еще одна общая черта — все были одинокими людьми, если не считать дальних родственников, с которыми они вместе не проживали и почти не общались.

— Какова вероятность случайного совпадения? — задал вопрос Емельянов.

— В строгом смысле — нулевая, — так ответил Шахов на этот сложный философско-вероятностный вопрос. — Но это если подходить с точки зрения математики. Если взять бытовое определение «одновременно» (плюс-минус минута) и «идентичный поступок», то вероятность становится ненулевой, хотя и остается крайне малой. В масштабах планеты из-за эффекта «стадного поведения» во время проведения, например, праздников, концертов, премьерного кинопоказа или запуска салюта, вероятность чуть выше, чем чисто случайная. Но для абсолютно несвязанных людей, как подсчитал «Аркаим», вероятность составляет порядка 10 в минус 15-й степени. И это только для одного синхронного события, а у нас их 44 за трое суток. Вероятность того, что синхронные события могут повториться 44 раза подряд в течение трех суток, да еще в 22 разных странах, близка к абсолютному нулю.

— Значит, мы своими глазами видим то, чего произойти не может? — попытожил генерал Емельянов.

— Так точно, товарищ генерал, — согласился Шахов. — Если только...

— Если только... — повторил Емельянов.

— Если только все эти люди не находились под внешним влиянием, — закончил свою мысль Шахов. — Если предположить, что кто-то сумел внедриться в их сознание и управлял и манипулировал ими, то вероятность синхронизации событий значительно возрастает. Кто-то мог управлять двумя людьми временно. Однако я пока не могу даже представить, как такое возможно.

— Думаете, это перспективное оружие?

— Да, это первое, что приходит на ум, товарищ генерал, — сказал Шахов. — Мы знаем, что подобные эксперименты условный противник проводит со времен окончания Второй мировой войны. Пока безуспешно, но технологии развиваются очень бурно. На мысль об оружии наводит и тот факт, что ровно половина синхронных событий произошла в России.

— Словно кто-то, готовясь напасть на нас, проводит учения, одновременно тренируясь на жителях других государств, — развил мысль Емельянов.

— Кто-то, кто очень не хочет привлекать внимание к таким событиям со стороны спецслужб других государств, — подчеркнул Шахов. — Поэтому там они остались незамеченными. Единичный случай — это всегда случайное событие. Даже «Аркаим» не заметил бы ничего подозрительного, но для России, одного государства, длинная цепь таких событий аномальна. Суперкомпьютер не мог пройти мимо такой информации.

— Я вас понял, товарищи офицеры, — сказал генерал Емельянов, поднявшись с кресла и тем самым давая понять, что совещание окончено. — Прошу вас оставаться в Москве и ожидать вызова. Мы продолжим нашу беседу.

После того, как Шахов с Соболевой ушли, Емельянов взял пульт от проектора и некоторое время стоял перед экраном, задумчиво глядя на сменяющие друг друга изображения. Затем выключил проектор, вернулся за свой стол и начал писать рапорт на имя главы Минобороны РФ.

Спасенный

Город Орел, здание УМВД

Здание Управления МВД России по Орловской области расположено в Орле на улице Тургенева. Оно носит статус объекта культурного наследия регионального значения и расположено в историческом центре города. Чуть ниже него, если двигаться по улице к реке, расположен ландшафтный сквер «Дворянское гнездо», названный так по наименованию известного романа Ивана Тургенева. По легенде, здесь располагался «Дом Лизы Калитиной», героини романа, в котором неоднократно бывал писатель. Он сохранился до начала XX века, но уже в новейшее время, под видом реконструкции, его разобрали, да пока так и не восстановили. По сути, город утратил одну из своих легенд. С этим районом, настоящим местом притяжения, на котором до революции стояли многочисленные дворянские усадьбы, действительно связано много легенд. И каждый, кто хоть раз ступил сюда ногой, может отождествлять себя не только с непростой, бурной историей столетней и более давности, но и с героями произведений классической литературы.

Особой здесь является сама атмосфера, даже воздух здесь будто совершенно иной, чем в других уголках города. Он пропитан стариной, традицией, духом дворянства и героизма сопротивления, он волнует и с каждым новым вдохом придает неповторимое чувство причастности к великой истории России. Возможно, сладостный привкус придает еще и тот факт, что здесь, в старинных усадьбах, разместилось семь литературных музеев. В их стенах хранятся уникальные мемории: личные вещи лауреата Нобелевской премии по литературе Ивана Бунина, писателей Леонида Андреева, Ивана Тургенева, Николая Лескова, Афанасия Фета и многих-многих других творцов, чьи имена неразрывно связаны с историей крылатого города.

Эффектное, массивное и многоэтажное, но не доминантное здание Управления МВД, раскрашенное в желто-оранжевые цвета, тоже имеет свою историю. Ведет ее с середины XIX века, когда оно принадлежало орловским дворянам, семье Лоренс. В то время здесь располагалась крупная усадьба, насчитывавшая несколько каменных сооружений и крупный сад с теннисными аллеями и беседками. Во второй половине XIX века усадьбу у семьи Лоренс выкупило государство, беседки и сад были снесены, а в главном здании разместилась казенная палата. Исследователи много лет спорят о том, что именно это здание представляло собой в те времена. Предполагается, что оно было реконструировано по проекту московского архитектора Крюгера. Однако в его нынешнем виде здание построили только в 1930 году. А органы внутренних дел разместились в нем в 1943 году, сразу после освобождения Орла от немецко-фашистских оккупантов. Город был сильно разрушен бомбардировками во время Великой Отечественной войны, и после освобождения его восстанавливали ускоренными темпами. Будущее здание УМВД капитально отремонтировали, сохранив ценные с точки зрения истории архитектурные элементы. А во времена новой России, в 1993 году, решением Малого совета Орловского областного Совета народных депутатов его приняли под государственную охрану как архитектурный памятник.

По своему стилю здание относится к советской архитектуре, на его фасаде до сих пор сохранились вставки с изображениями серпа и молота. Мимо него ежедневно снуют тысячи прохожих, не подозревающих о том, что происходит внутри. Просто так в здание, без пропуска, не пройти. На входе установлен вооруженный пост охраны. Посетители проходят сквозь рамку металлодетектора. В здании имеются подвальные помещения, вход в которые доступен не каждому. В одном из них сотрудники полиции разместили мужчину, прыгнувшего с моста в

Оку. Его подозревали не столько в попытке свести счеты с жизнью, сколько в поджоге веранды летнего кафе, принадлежавшего влиятельному и известному в городе бизнесмену.

Тишина в подвале была такой плотной, тягучей, что, казалось, давила, как атмосферный столб, давила даже на барабанные перепонки. Сырые стены, покрытые мелкой капиллярной сеткой трещин на старенькой штукатурке, дышали холодом. Казалось, холод пробирал до костей, несмотря на июнь, царивший в двух шагах отсюда, на улице. Единственным источником света была люминесцентная лампа, подвешенная под потолком. Она мерно гудела, иногда потрескивая и наполняя помещение призрачным, болезненно-бледным светом. Воздух был таким затхлым и влажным, что навевал мысли о застенках у каждого, кто впервые здесь оказывался. В воздухе также витал едва уловимый, сладковато-приторный аромат. Это был запах нервного напряжения, как сказал бы опытный оперативник.

В центре подвальной комнаты, за тяжелым, надежно прикрученным к полу металлическим столом, сидел мужчина. Одет он был с виду неряшливо и как бы по-походному. некогда добротные камуфляжные брюки и простая серая футболка были грязными, кое-где на них зияли дыры. Но выбирать мужчине не приходилось. Его собственную одежду унесла река Ока, когда он скинул ее туда перед своим прыжком с моста в воду. Полицейские сами надели на него то, что подвернулось им под руку. Но мужчину его собственный внешний вид, похоже, совершенно не волновал и не смущал. Возможно, он вообще не осознавал, во что одет.

Руки его лежали на столе, несколько неестественно, ладонями вверх и настолько неподвижно, что один только взгляд на них у стороннего наблюдателя мог вызвать тревогу. Этот человек был не прост. Кого только не опрашивали и не допрашивали в этих стенах за долгие годы, но такой посетитель оказался тут впервые. От мужчины едва уловимо пахло гарью. Видимо, его коротко стриженные волосы и мельчайшие поры кожи словно губка впитали в себя стойкий, едкий запах горелого пластика и резины. И это недвусмысленно наводило на подозрения о том, что он причастен к пожару. Да и записи с камер видеонаблюдения, зафиксировавшие, как очень похожий на прыгуна человек поджигает кафе с помощью двух бутылок с зажигательной смесью, полиция уже изучала.

Мужчина сидел спокойно, не шевелился и даже не моргал. Его темно-серые глаза, широко открытые, смотрели прямо перед собой. Взгляд упирался в стену, но при этом словно бы проходил сквозь нее и устремлялся на сотни километров вперед. Взгляд как будто был пустым, но безумным его никто бы не назвал. Нет, этот человек вряд ли сошел с ума, хотя ему еще и предстояло пройти процедуру освидетельствования специальной медицинской комиссией. Так положено поступать со всеми, кто прыгает с моста не ради забавы.

Не ощущалось в нем той нездоровой, лихорадочной искры, которую медики привыкли наблюдать у душевнобольных. Не имелось в нем и тупого, животного страха, который при текущих обстоятельствах мог бы его охватить. Чувствовалось в нем нечто аномальное, некое леденящее душу отсутствие всех тех жизненно важных элементов, что делают человека человеком. Словно кто-то аккуратно, хирургически точно, взял и стер личность данного гражданина, оставив лишь его биологическую оболочку. Сейчас это был сильный и функционирующий, но пустой органический механизм.

Об этом думал начальник областного УМВД, полковник Борис Хомутов, тучный человек с красным лицом и стрижкой «ежиком». Одетый по форме, он стоял за зеркальной стеной, наблюдая за происходящим в подвальной комнате, оставаясь невидимым для того, кто находился внутри комнаты. Задержанный пребывал в одиночестве, но одиноким вряд ли себя ощущал.

— Что с ним? — спросил у Хомутова полковник Григорий Зимин, начальник областного управления ФСБ, стоявший рядом. За зеркалом также присутствовал прокурор области Александр Волошин, незаметно держались рядом двое дежурных оперативников. По городу уже пошел слух, что на владельца кафе якобы совершили покушение. Такие слухи опасны,

они могут породить общественное волнение. Одной же из главных задач стоявших за зеркалом силовиков являлось поддержание стабильно спокойной оперативной обстановки в регионе. Появление и распространение протестных настроений считалось недопустимым, за это можно было мгновенно лишиться погон. К тому же ход расследования инцидента наверху неожиданно поставили на особый контроль. Должно быть, влиятельный бизнесмен не мешкал и уже поднял свои связи. Оставляя произошедшее без наказания он не собирался, следовало поддерживать свой авторитет. Но маховик расследования раскручивался очень медленно.

Голос Зимина звучал предельно спокойно и даже буднично, но Хомутова было не обмануть. В голосе Зимина он ощутил грозную, пугающую сталь, которую Хомутов, прослуживший в органах внутренних дел более двадцати лет, давно научился распознавать мгновенно.

— Что с ним? — переспросил полковник Хомутов, тяжело вздохнул и машинально почесал затылок. — С ним что-то не так. Но он не псих, это я вам точно говорю.

— Это определит только экспертиза, — металлическим голосом напомнил полицейскому прокурор Волошин, не ладивший с Хомутовым.

— Да-да, я знаю, — поспешно поправил сам себя Хомутов; молодого, амбициозного прокурора он побаивался. — Я хотел сказать, что этих... ну, которые с отклонениями, я столько за свою жизнь перевидал, что могу сразу на глаз определить, болен человек или нет. Но этот не такой, его словно выключили. Ведет себя как робот, ни на что не реагирует. Его даже одевать пришлось моим сотрудникам, он же абсолютно голый был, когда его доставили. Спасатели только одеяло на него накинули, и то хорошо.

— Личность установили? — справился Зимин.

— Так точно, установили. Дмитрий Ветров, тридцать четыре года, житель города Орла, в настоящее время безработный. Раньше проходил военную службу, пару лет служил в Сирии, по контракту. Два года назад его демобилизовали по состоянию здоровья, вроде как ранение получил. Контракт с ним расторгли. Последнее время он, вероятно, жил на те средства, которые ему удалось заработать на службе. Психушку после демобилизации не проходил, на учете не состоит ни в одном стационаре. Административных правонарушений не совершал, даже пьяным за рулем не попадался. Одинок, проживает в «однушке», жены нет, детей нет. Из родителей была только мать, но она умерла вскоре после возвращения сына из Сирии. Соседи характеризуют его как тихого и спокойного человека, не агрессивного. Но отмечают, что он нелюдим, практически ни с кем не общается. Круг друзей, связи устанавливаем.

— При каких обстоятельствах произошло задержание? — поинтересовался прокурор Волошин, оценивающе глядя на странного человека за зеркалом, который за это время так ни разу и не пошевелился и не моргнул.

— Привезли его часа три назад. Сначала в районный отдел полиции, но мы тут же затребовали его себе. Спасатели вытащили его из воды и передали патрульным. Мужик голый был, в чем мать родила. Одежду пока не нашли. Посмотрели по наружным камерам, видно, что разделся он сам. Одежду сначала аккуратно сложил и уложил на парапет моста. Потом будто передумал и скинул ее в реку. Соответственно, документов, телефона при нем не оказалось, но мы ведем поиск. Привлекли спасателей, волонтеров.

— Как установили личность? — уточнил прокурор, намекая на отсутствие документов и мобильного.

— Отпечатки пальцев пробили по базе, так и нашелся. Сейчас делаем анализ ДНК. Он ведь бывший военный, перед отправкой в «горячую точку» мог пройти генетический тест. Чтобы легче было опознать при гибели, ну, вы понимаете.

— Что думаете относительно пожара? Поджог? — коротко спросил Зимин, тоже не отрывая цепкого взгляда своих невозмутимых глаз от мужчины за зеркалом. Он уже знал ответ, у него тоже имелась оперативная информация, но он хотел услышать версию полиции.

— Специалисты пожарной службы подготовят заключение, но лично у меня нет сомнений в том, что это поджог. Опрашиваем свидетелей. Официантка рассказала, что видела, как мужчина, схожий по описанию с задержанным, зашел на веранду и прошел вглубь, к техническому помещению. Она пыталась его остановить, но он проигнорировал ее крики. Прошел мимо, причем шел уверенно, словно точно знал, куда и зачем идет. Официантка отвлеклась на клиентов, а затем услышала крики и увидела, что из подсобки повалил дым. Понятно, люди бросились к выходу. Официантка говорит, что подозрительный мужчина не паниковал, а спокойно вышел из кафе вместе со всеми, никто его не остановил. Затем, это уже зафиксировали камеры видеонаблюдения, он бросил на тентованную крышу веранды две бутылки с зажигательной смесью. Осколки нашли, с ними работают криминалисты. Потом задержанный отправился на мост, разделся и прыгнул. Видео происшествия, к сожалению, быстро попало в сеть, вирусное, но мы принимаем меры по его удалению из соцсетей. Блогеры все разнесли, спокойной жизни от них не стало, — Хомутов сплюнул с досады. — Эксперты еще работают на месте пожара. Предварительная причина — поджог с применением легковоспламеняющейся жидкости. Небольшие ожоги на руках задержанного это подтверждают.

— Кто-нибудь пострадал при пожаре? — спросил прокурор Волошин, также уже зная ответ на свой вопрос. Понимал это и Хомутов, но понимал он и то, что формальности следовало соблюсти. Он осторожничал, инцидент серьезный, и если что, спросят за него с полиции, с него лично.

— Сведений о пострадавших пока нет, хотя несколько человек, посетителей и работников кафе, обратились за помощью в медицинские учреждения, — выдохнул Хомутов, тщательно взвешивая свои слова. — Ситуацию держим на контроле. Повезло, что все посетители успели выбежать. По предварительной информации, двое официантов немного надышались дымом, но от госпитализации они отказались. Материальный ущерб, конечно, большой. Веранда сгорела полностью. Но главное то, что все люди остались живы, включая самого задержанного.

Хомутов и не предполагал в тот момент, что описанные им события и есть тот самый ключевой момент, который алгоритм «Аркаима» описал как «Суицид после успешного действия». Успешное действие — это поджог, хотя об успешности и тем более о законности и морали такого действия не стоит даже спорить, ведь оно по сути своей представляет деяние разрушительное. Фактически это был теракт против простых граждан, которые могли ни за что пострадать. Второй шаг — самоуничтожение. Вот он, идеальный, чистый финал, когда нет ни объяснений самого исполнителя, ни мотивов, поисками которых в эти минуты занимались оперативники. Исполнитель просто исчезает, унося свою тайну с собой в могилу. И только чудо, бдительность прохожих и стремительная реакция спасателей не позволили этому плану реализоваться до конца. Ничего об этом Хомутов, конечно, еще не знал, но об этом уже знала и доложила генералу Емельянову майор Соболева. Несколько минутами ранее она получила из зоны вечной мерзлоты зашифрованное сообщение от лейтенанта Белова, оператора «Аркаима».

«Зафиксировано новое синхронное событие типа „К“. Геолокация 1: город Орел, Россия, мост через реку Оку, кафе „Причал“. Геолокация 2: город Ванкувер, Канада, мост Гранвиль-стрит, кафе „Harbor View“. Действие: поджог кафе с последующим прыжком с моста. Статус: город Орел — объект выжил благодаря спасателям. Ванкувер — объект погиб в результате падения в воду с высоты 45 метров. Коэффициент синхронности: 0.997. Жду дальнейших указаний».

Соболева перечитала сообщение трижды. Сердце ее забило быстрее. У них есть выживший! Первый за все время. Пока неизвестный. Безымянный. Человек, который по чьей-то воле поджег кафе и прыгнул с моста, но, в отличие от своего канадского «близнеца», не разбился насмерть.

«Приняла, срочно направляюсь в Орел, — молниеносно ответила Соболева, поняв, что это единственный шанс на то, чтобы узнать истину, и упустить его нельзя. — Продолжайте отслеживать события типа „К“. Немедленно сообщайте о результатах. Используйте алгоритм прогноза. Будем спасать других».

Полчаса спустя, после оперативного доклада Емельянову, не спавшему уже более суток, она получила его официальный приказ на командировку в Орел.

— Товарищ генерал, мы можем спасти других. «Аркаим» дает прогнозы о том, кто может умереть следующим.

— Добро, во всех регионах подготовим группы быстрого реагирования, — ответил Емельянов.

— К сожалению, у них будут считанные минуты, — добавила Соболева. — «Аркаим» дает прогнозы, ориентируясь на синхронные события. Но мы обязаны сделать все возможное, чтобы кого-то спасти.

— Сделаем, — сухо ответил генерал.

Вскоре военный вертолет Ми-8, многоцелевая машина, разработанная в ОКБ имени Миля еще в 1960-х годах, уже нес Соболеву и троих прикомандированных к ней сотрудников ГРУ в Орел. Эта надежная боевая советская машина, принятая на вооружение более чем в 50 странах, является одной из самых массовых моделей в истории авиации. Она применяется для перевозки личного состава, огневой поддержки, десантирования, эвакуации раненых, постановки помех и выполнения других задач. Теперь же Ми-8, стартовавший с площадки на крыше здания бывшего ГРУ, участвовал в проведении самого важного расследования, которое только можно себе представить. Ценой которого могла стать судьба самого государства.

Уже занималось утро, когда утомленный полковник Хомутов встретил майора Соболеву, прилетевшую на военном вертолете Ми-8. Такие гости редко совершали посадки на вертолетной площадке в Орле. Хомутов дожидался гостей у заднего входа в здание УМВД, от него пахло потом и крепким чаем.

— Товарищ майор, — приветствовал он ее, отдавая честь. Затем поочередно отдал честь и приветствовал рукопожатием троих ее молчаливых спутников. Гости были одеты «по гражданке», но даже неопытный взгляд заметил бы у них военную выправку.

— Мне звонили, предупредили о ваших чрезвычайных полномочиях, — продолжил Хомутов, чувствуя себя не в своей тарелке перед красивой, но на редкость серьезной московской гостьей, прибывшей с такими полномочиями, о которых он раньше и не слышал. — Формальности ради, разрешите взглянуть на ваше удостоверение?

Соболева внимательно посмотрела на полковника, с неодобрением, как ему показалось, пожала плечами, достала из небольшой черной сумочки «корочку» и предъявила ее Хомутову. Тот впился в удостоверение взглядом, несколько разочарованным. На вид — ничего особенного. Подумаешь, майор Минобороны, штатная должность — оператор-аналитик. И это человек, которого он должен слушаться во всем? Невзирая на звание, которое у него двумя рангами выше? Хомутов чувствовал и обиду, и досаду одновременно, из-за чего его охватило раздражение. Отчасти вина лежала на произошедших событиях, на бессонной ночи, но он начал проникаться к столичной гостье неприязнью, когда она не терпящим возражений тоном приказала ему, полковнику полиции, незамедлительно проводить ее к задержанному.

— Может, хотя бы чаю с дорожки выпьете? — гостеприимно предложил Хомутов, принимая отчаянный шаг к досрочному примирению.

— Позже, сейчас — дела, — отрезала Соболева. — Ведите. Хотя нет, постойте. Прикажите накормить моих коллег, их подняли среди ночи с постели. Сами понимаете, времени на раскачку у нас не было.

— А вы? — с надеждой взглянул на нее начальник УМВД.

— А я не голодна. Ведите.

Хомутов повиновался, группа вошла в здание. Хомутов провел ее по коридорам, приказал оперативному дежурному разместить и накормить троих приезжих сотрудников. Затем повел Соболеву дальше. Вскоре они уже стояли за односторонним зеркалом, глядя на задержанного прыгуна, который за последние несколько часов так и не пошевелился. Зимин и Волошин к тому моменту уже покинули здание УМВД. Теперь Хомутов за зеркалом находился только в компании Соболевой и двух своих сотрудников.

— Что с ним? — спросила Соболева, кивнув в сторону зеркала. Хомутов удивился — гостя задала абсолютно тот же вопрос, который несколькими часами ранее задал ему здесь же Зимин. И он вновь растерянно почесал затылок и повторил все то, о чем уже докладывал двоим своим предыдущим гостям.

— Пустите меня внутрь, я хочу поговорить с ним, — потребовала Соболева. Она сняла с себя черный плащ и передала его удивленному Хомутову. Полковник успел оценить стройную фигуру госты, которую облегал строгий черный костюм. Соболева вошла в комнату для допросов. За ее спиной, оставаясь по ту сторону зеркала, Хомутов и двое оперативников замерли, готовые в любой момент прийти ей на помощь. Правила безопасности никто не отменял, а задержанный внушал опасения даже своей полнейшей невозмутимостью.

Соболева села на стул с подлокотниками, напротив Ветрова. Расстояние между ними не превышало метра. Взгляд ее скользнул по рукам Ветрова, прикованным к столу наручниками. Случись что, успеет ли она защититься, дотянется ли он до нее? Нет, не должен. Она взглянула в его глаза — холодные, непроницаемые, они словно ее не видели. Соболева вынула из сумочки небольшую видеокамеру, установила ее на крошечный штатив, нацелила на Ветрова. Разговор пока еще носил неофициальный характер, но важно было зафиксировать каждое слово.

Она долго молчала, внимательно изучая его. Опытный психолог и боевой офицер, Соболева знала силу тишины, отлично понимала, какое воздействие на виновного может оказать многозначительное молчание. Часто такая простая тактика действовала лучше любых вопросов. Ветров, однако, не проявлял ни малейших признаков беспокойства. Он сидел все так же неподвижно, и только легкое, почти неслышное дыхание, да застывшие, но открытые глаза говорили о том, что он жив.

— Дмитрий, — наконец начала Соболева, стараясь придать своему тону как можно больше мягкости, но и не преступить тот порог мягкости, за которым допрашиваемый перестанет ее бояться. — Меня зовут Елена. Я не из полиции. Я не прокурор. Я психолог. Я хочу понять, что с тобой произошло.

Она намеренно сразу обратилась к нему на «ты», сокращая дистанцию между ними. Замолчала, но со стороны Ветрова не последовало никакой реакции, даже зрачки его не дрогнули.

— Я думаю, ты не хотел никого убивать, наоборот, ты в каком-то смысле даже спасал людей, — продолжила Соболева, надеясь достучаться до спящего сознания странного человека. — Ты понимал, что в кафе при большом количестве посетителей поднялась бы такая паника, что жертв не удалось бы избежать. Поэтому ты поджег кафе в тот момент, когда там было относительно немного посетителей. Значит, ты сознательно выбирал время для своей атаки. Ты знал, что дела.

Это был уже не вопрос, а утверждение, и Соболева внимательно следила за лицом Ветрова. Она не ошиблась — на секунду, нет, всего на долю секунды, его брови чуть заметно дрогнули. Соболева успела это заметить. Не удивление, не страх, а что-то другое двигало Ветровым в тот момент. Соболевой показалось, что она мельком заметила свет свечи, на мгновение мелькнувший в окне старого заброшенного дома.

— Потом ты пошел на мост, разделся, встал на парапет, но прыгнул не сразу. Почему? Ты ждал. Ты хотел, чтобы тебя заметили. Ты хотел прыгнуть на глазах у прохожих. Зачем? Ты хотел, чтобы тебя запомнили, чтобы о тебе говорили? Хотел, как говорит молодежь, хайпануть?

Ветров медленно, очень медленно, приподнял голову, его глаза встретились с глазами Соболевой. Они по-прежнему казались пустыми, но для Соболевой уже сам факт движения стал маленьким, но уверенным шагом к победе.

— Зачем? — повторила она с нажимом, вкладывая в вопрос весь свой профессиональный опыт. — Зачем ты это сделал? Кто тебе приказал это сделать?

Губы Ветрова неожиданно шевельнулись, Соболевой показалось, что он пытается что-то сказать. Или нет? Она подалась вперед, напрягая слух. Но вместо слов услышала лишь сдавленный хрип. И тут вдруг его лицо исказилось, ожило впервые за несколько часов, словно сущность, дремавшая внутри него, пробудилась ото сна и дала выход не страху и не боли, а ярости, глухой, животной ярости.

Он резко дернулся, но наручники, пристегнутые к крепким кольцам на столе, удержали его на месте. Ветров дернулся еще раз, с такой силой, что металлический стол жалобно скрипнул, казалось, даже сдвинувшись на несколько сантиметров. Из его горла вырвался дикий рык, а его глаза, секундой ранее пустые, начали наливаться кровью. Он смотрел на Соболеву так, как на нее мог бы смотреть опасный хищник в диком лесу. Но видел ли он перед собой Соболеву, психолога, пришедшего с ним поговорить, или видел кого-то другого, может, даже что-то другое?

— Я не могу! — вдруг выкрикнул он, и его голос, сорвавшийся на фальцет, эхом ударился о стены. — Я не могу это сделать... Остановите... Остановите меня!

Ветров рванулся в третий раз и разорвал себе запястья, кровь с которых тут же закапала на стол. Соболева не шелохнулась. Она сидела, вцепившись руками в подлокотники стула, и смотрела на своего собеседника, как замороженная.

— Я слышу его! — кричал Ветров, и в его крике громынуло столько отчаяния, что у Соболевой даже перехватило дыхание, несмотря на весь ее опыт.

— Он всегда здесь! — Ветров дернул головой, словно показывая, где именно. — Он всегда со мной! Он сказал мне сделать это! Он приказал мне сделать это! Он сказал, что я особенный, а только особенный человек может совершать особенные поступки! Он сказал, что я поступаю правильно! Он сказал, что так нужно!

— Кто — он? — осторожно уточнила Соболева, опасаясь его спугнуть и прервать неожиданный поток откровений.

— Он... Он в моей голове!

Ветров замолчал так же внезапно, как закричал, и столь же неожиданно обмяк. Ярость его мгновенно ушла, и он вновь превратился в подобие овоща, существующего в абсолютной пустоте. Ветров снова уставился в стену, безвольно опустив плечи. Раны его кровоточили, кровь из разорванных запястий капала уже не только на стол, но и со стола на пол. И Соболевой казалось, что она отчетливо слышит, как падают эти капли. Кап... кап... кап..., отдавалось в ее ушах.

За односторонним зеркалом кто-то громко выдохнул. Хомутов, не стесняясь своих оперативников, перекрестился. Соболева медленно встала и вышла из комнаты, попросила принести ей стакан воды. Один из оперативников обернулся мигом, сбегав к кулеру. Соболева вернулась в комнату, подошла к Ветрову и поднесла одноразовый пластиковый стаканчик с водой к его пересохшим губам. Он не сопротивлялся и машинально сделал несколько глотков. Вода потекла по его подбородку и стала капать на стол, смешиваясь с кровью.

— Кто — «он», Дмитрий? — тихо спросила Соболева, глядя ему в глаза. — Это голос, да? Ты слышишь голос?

— Голос...

Ветров на несколько мгновений снова ожил и изучающе, даже с некоторым интересом, посмотрел на нее. В его взгляде на секунду мелькнуло что-то просящее, умоляющее. Он открыл рот, но вместо слов у него вырвался лишь беззвучный шепот. Он пытался еще что-то сказать,

но Соболева не расслышала. Она прильнула к нему почти вплотную, приложив свое ухо к его рту, безумно рискуя своей безопасностью, но Ветров не успел ничего произнести. Его глаза внезапно закрылись, после чего голова его бессильно упала на грудь. Он потерял сознание.

— Врача! — крикнула Соболева, обернувшись к зеркалу. — Скорее врача!

В комнату вбежал фельдшер с чемоданчиком в руке, за ним — двое санитаров. Хомутов предусмотрительно вызвал их еще до прибытия Соболевой. Они дежурили в комнате по соседству. Хомутов позвал их за зеркало, когда увидел кровь на руках Ветрова. Оперативник ловко расстегнул наручники, после чего медики уложили Ветрова на пол и стали оказывать ему первую помощь.

Соболева не могла на это смотреть. Она вышла в коридор, ее слегка мутило. Странно, думала она, тошнит, но ведь не от вида крови же, к этому она давно привыкла. Значит, мутит от того, как вел себя Ветров, от того, что он ей сказал. «Он в моей голове», — отчетливо прозвучали в сознании Соболевой слова странного задержанного. Да, что-то такое она и ожидала услышать. Боялась услышать, потому что такие слова подтвердили бы самые тревожные опасения. До встречи с Ветровым у нее еще оставалась надежда на то, что события типа «К» представляют собой случайное превышение статистической погрешности. Да, это редкий случай, но он объясним с точки зрения науки. А Ветров все перечеркнул.

Соболева задумалась. Она думала о том, что Ветров, наверное, произнес те же слова, что шептал умирающий Вебер в своей берлинской квартире. Те же слова, которые шептала Мошкина в Краснодаре, перед тем, как в последний раз в своей жизни вышла на балкон. Те же слова, которые «Аркаим» фиксировал в обрывках перехваченных разговоров других «подопытных» — тех, кто ушел добровольно. Никто из них не пытался сопротивляться, даже Ветров, которого спасли случайно. Почему?

— Товарищ майор, — Хомутов подошел к ней, протягивая мобильный спутниковый телефон. — Спецсвязь. Вас. Срочно.

Соболева взяла трубку, звонил Шахов.

— Лена, — генерал был напряжен, хотя и старался говорить ровно. — «Аркаим» зафиксировал новую волну. За последние два часа — еще тридцать два синхронных события. В шестнадцати странах. Россия — эпицентр, половина случаев у нас. Все попытки — успешные. Твой подопечный — единственный выживший.

— Я поняла, товарищ генерал, — ответила Соболева, чувствуя, как неприятный холодок спускается по ее позвоночному столбу.

— Он жив?

— Так точно, но получил травмы. И не только физические. Его госпитализируют.

— В больницу нельзя, его надо изолировать. Он что-нибудь успел сказать?

— Только то, что слышал голос в своей голове.

— Он пытался ему сопротивляться?

— Думаю, он боролся с ним до последнего.

На другом конце виртуального провода повисла пауза. Шахов, видимо, переваривал информацию.

— Это многое меняет, — наконец, произнес он. — Надо сделать все, чтобы он выжил и заговорил. Он приведет нас к источнику. Организуй круглосуточную охрану. Никого к нему не подпускать. Добудь информацию. Ты остаешься в Орле. Если возникнут трудности, немедленно звони.

— И еще, Лена... — помолчав, уже мягче, человечнее добавил Шахов. — Будь осторожна. Если тот, кто это делает, узнает, что кто-то выжил и может говорить... Он может попытаться исправить допущенную ошибку, понимаешь? Твой отец мне этого не простит.

— Я буду осторожна, — пообещала Соболева, сомневаясь, что выполнит данное обещание.

Связь прервалась. Соболева вернулась в комнату за односторонним зеркалом, где Ветрова уже уложили на носилки и накрыли сверху одеялом. Фельдшер шепнул, что пульс у пациента слабый, но ровный. Он был жив, и это главное. Соболева подошла к Хомутову и что-то долго шептала ему на ухо. По его встревоженному взгляду стало понятно, что Соболева поставила перед ним непростую задачу. Он нахмурился, задумался, но согласно кивнул. Все сделаем, без слов говорил он.

Соболева посмотрела на свои часы — ранее утро. С момента ее прибытия прошло меньше двух часов, но как изменился для нее мир за это время. И она боялась, что он только начал меняться. На ее плечо легла чья-то рука. Соболева вздрогнула и обернулась. Это был Хомутов, он протягивал к ней раскрытую ладонь, на которой лежал маленький предмет.

С виду это был обычный, дешевый, скорее всего, китайского производства лазерный указатель — указка. Такие продаются в любом канцелярском магазине, цена им сто рублей.

— Что это? — спросила она.

— Нашли одежду нашего прыгуна, ниже по реке, к берегу прибило. Это было в его кармане.

— Документы, телефон нашли?

— Еще нет, продолжаем искать.

— Ясно, — кивнула Соболева. — Вы думаете, это что?

— Не могу знать, я не специалист в технике. Отдадим криминалистам. Но я решил, что сначала надо показать вам.

Соболева очень аккуратно взяла небольшой предмет двумя пальцами, по его ребрам, не касаясь поверхности, чтобы не стереть и не оставить отпечатки, подняла его и взглянула не него на свет. Фабричная деталь? Или что-то другое?

— Товарищ полковник, этот предмет надо срочно отправить в Москву, в лабораторию. Лично на имя генерала Емельянова, — она протянула ему «указку», предварительно упаковав ее в небольшой прозрачный пластиковый пакетик, который ей предусмотрительно протянул появившийся рядом хмурый оперативник. — И подготовьте для меня ментальную карту передвижений Ветрова за последние две недели. Где он был, с кем встречался, что покупал. Отследите каждую минуту его жизни.

— Будет сделано, — несколько саркастично ответил Хомутов, козырнул и исчез за дверью.

Соболева осталась одна. Она подошла к зеркалу и уставилась на пустую комнату, которая отражалась в нем. Она с трудом верила в то, что именно здесь еще несколько минут назад сидел человек, который готовился умереть по чужой воле. Где-то там, в глубинах подсознания Дмитрия Ветрова, таился ответ на мучившие ее вопросы. Или там таились не ответы, а новые, еще более страшные вопросы?

За пределами подвала, там, наверху, в том городе Орле, который знали большинство горожан, стремительно светало. Пожар в кафе давно потушили, но Соболева вдруг ощутила запах гари. Она закрыла глаза и представила себя на месте происшествия. Гарь еще висит в воздухе, но огонь уже потушен. Утомленные пожарные сворачивают рукава, напряжение отпустило их, они даже обмениваются шутками. Очевидцы расходятся по домам, обсуждая увиденное. Никто из них не знает, что стал свидетелем не просто хулиганства или попытки уйти из жизни.

«Они стали свидетелями первого боевого применения оружия, против которого у человечества пока нет защиты. Оружия, которое убивает не тело, но подчиняет себе душу. Или, по крайней мере, пытается это сделать», — подумала Соболева, ужаснулась своей мысли, распахнула глаза и несколько минут стояла неподвижно, глядя на свое отражение в зеркале.

Затем Соболева выключила свет в комнате и вышла в коридор. Впереди были долгие дни. Возможно, ее ожидала самая важная битва в жизни. Не на поле боя, где врага можно видеть и уничтожить. Эта битва ждала ее внутри чужого, сломленного, но все еще живого сознания.

Голос в голове

Санкт-Петербург

Санкт-Петербург в июне — город белых ночей и странного, будто неестественного света, который каким-то образом просачивается даже сквозь самые плотные шторы. Небо над Невой в это время приобретает цвет выгоревшего пергамента, а тени становятся длинными и призрачными, словно живут своей собственной жизнью. В такую пору, периодически, внезапно накатывает хандра и начинаешь особенно остро чувствовать будто бы свое одиночество, даже если вокруг тебя миллионы людей.

Город федерального значения, второй по численности населения в России, расположен на северо-западе страны, на побережье Финского залива, в устье реки Невы. Он потрясающе красив, многие его памятники входят в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Например, внимание стоит обратить на Петропавловскую крепость с Петропавловским собором, усыпальницей русских императоров. Город был заложен в мае 1703 года царем Петром I на Заячьем острове, но название свое получил не в честь государя, как думают многие, а в честь апостола Петра.

Санкт-Петербург считается второй, Северной столицей России. Но два века служил он и главной столицей. Таковой он стал в 1712 году, и только весной 1918 года столичный статус вернули Москве. К тому моменту на фоне схватки Российской империи с немцами в Первой мировой войне город переименовали в Петроград, а в 1924 году — в Ленинград, отдавая дань уважения вождю пролетариата Владимиру Ленину, основавшему первое в мире советское государство, где власть принадлежала народу. В 1991 году историческое название городу вернули. Однако он навечно останется и Петроградом, так как именно в Петрограде произошла Революция, изменившая ход мировой истории, и Ленинградом, так как именно Ленинград в годы Великой Отечественной войны пережил страшную 872-дневную блокаду, потеряв умершими и погибшими около миллиона своих жителей и защитников.

Подобно многим другим коренным горожанам, Алексей Горелов, программист 29 лет от роду, непризнанный гений, в свое время самостоятельно выучивший язык Python и сделавший это гораздо быстрее, чем некоторые его сверстники осваивали английский язык, особо не замечал ни белых ночей, ни красоты родных мест. Да и мало когда вообще об этом задумывался. Город был для него просто домом, а дом — это привычная среда обитания, где перемен почти не замечаешь. Нужно, чтобы у тебя дома произошло действительно нечто неординарное, чтобы выйти за рутинный круг. К тому же несколько лет назад мир Алексея Горелова сузился до размеров тридцатидюймового монитора, беспроводной клавиатуры с подсветкой и бесконечных строк кода, непонятного большинству землян. И строки эти сутками текли перед его глазами подобно неторопливой реке.

Первое время Горелов трудился в различных компаниях. Начинал со скромной должности системного администратора. Но работа системщиком была скучной. Да и с каждым годом за нее платили все меньше и меньше. Перспектив карьерного роста на таком посту маловато. В душе Горелов был не столько прагматичным создателем кодов, сколько виртуальным романиком. Ему хотелось не ремесленничать, а творить в виртуальном мире, создавать новые приложения и, в конце концов, подарить миру такой программный продукт, который улучшит жизнь миллионов, нет, даже миллиардов людей. Мечтал Горелов и о собственном материальном благополучии и независимости. В глубине души он хотел походить на Илона Маска и, как знаменитый миллиардер, заработать столько денег, чтобы навсегда приобрести на них для себя

свободу. Свободное время — вот чего желал для себя Горелов. Столько свободного времени, чтобы его не надо было тратить на бытовые заботы, поиски жилья или пропитания.

Годы шли, но мечты так и оставались мечтами. Стычки с начальством Горелову надоели, и он ушел во фриланс. Штука эта удобная, но коварная. Ты вроде бы сам себе хозяин, сам планируешь свое время, сам отвечаешь за результат. Но когда «дедлайн горит», а заказчик нервничает и каждые полчаса шлет тебе сообщения в мессенджер, мир меняется. Ты снова попадаешь в аврал и головоломку, тратишь время, то и дело нервно повторяешь себе под нос: «Зачем я только в это ввязался?». Мир вокруг перестает существовать. Остается только локальная задача, которую надо срочно решить.

Так было до тех пор, пока не появился Голос. Горелов точно помнил тот момент, ведь он разделил его жизнь на «до» и «после». Жил он в съемной однокомнатной квартире, на окраине города, в спальном районе. Под его окнами располагалась пекарня. Каждое утро Горелова будил аромат свежей выпечки. По вечерам его скромную, съемную квартиру наполняла сырость залива, откуда тянул ее легкий бриз. Горелов вел замкнутый образ жизни. Как и многие люди его профессии, почти все свое время он проводил за компьютером. Друзей у него насчитывалось много, но подавляющее большинство из них он никогда не видел вживую. Он знакомился и общался с ними по сети. Горелов не знал настоящих имен большинства своих друзей, идентифицируя их только по «никам» и «аватаркам». Не имелось у него ни девушки, ни кота, ни даже аквариумных рыбок. Живым другом его являлся разве что маленький кактус, горшочек с которым почти всегда стоял у монитора. Лишь изредка программист, случайно вспомнив о том, что кактусу нужен солнечный свет, выставлял бедное растение на подоконник.

Жизнь Горелова протекала в сети, для чего он обзавелся необходимой техникой. В его распоряжении имелось два ноутбука, один из которых предназначался для сетевых игр (время от времени Горелов принимал участие в турнирах), пара мониторов и стационарный компьютер. Из остальной обстановки — компьютерное кресло и кресло-мешок для релаксации. Телевизором Горелов не обзавелся, поскольку не нуждался в нем. Посмотреть фильмы и узнать новости он мог по сети через компьютер, а спортивными состязаниями не интересовался, как и различными ток-шоу. Холодильник его чаще был пуст, чем полон. Разве что в нем всегда нашлась бы пара йогуртов, засохший сыр и остатки пиццы, заказанной накануне. Да кое-какие прохладительные напитки, как правило, зеленый чай в заводской упаковке.

Тот день, Горелов отчетливо это запомнил, не задался с самого утра. Он повздорил с очередным клиентом. Заказ выглядел простеньким: владелец сети кофеен из Новосибирска попросил создать для него с нуля интернет-магазин с функционалом доставки, разработать бренд и фирменный дизайн этикеток. За работу Горелов взялся неохотно. Такой труд он не уважал, так как интересы тот не вызывал, а денег приносил немного. Особенно с тех пор, как труд дизайнеров из-за активного развития нейросетей начал повсеместно дешеветь. О графических дизайнерах вообще начали говорить, как о «вымирающем виде». А такие клиенты, как новосибирский, обычно были самыми нетерпеливыми и придирчивыми. Горелов временами отдавал подобные заказы субподрядчику, за меньшую цену, а разницу клал себе в карман. Однако в тот раз постоянный помощник Горелова оказался занят, а сроки поджимали. Программист нашел незнакомого фронтенда-разработчика на портале фрилансеров, томящихся в поисках работы. Связался с ним по сети, обговорил условия и перевел ему предоплату. Затем фронтенд-разработчик просто-напросто исчез, махнув позолоченной ручкой и растворившись в безграничной сети.

«Фрилансеры, блин», — злобно подумал тогда Горелов и сам о себе, и о пропавшем вместе с предоплатой субподрядчике. Вышел на балкон и забросил в рот леденец. На леденцы он перешел несколько лет назад, когда усилием воли избавился от вредной привычки курить, приобретенной во время учебы в институте. Горелов относился к тому поколению, для которого здоровый образ жизни — не пустой звук. И хотя сам он редко питался тем, что принято

называть полезной пищей, других вредных привычек не имел. Он вышел на балкон и некоторое время смотрел во двор, на сновавших внизу людей. В минуты стресса Горелов всегда так поступал. Глядя на то, как течет жизнь за пределами его мира, он успокаивался и расслаблялся, что помогало ему найти верное решение.

Вернувшись с балкона в комнату, он уселся в жалобно скрипнувшее под ним, хотя Горелов был строен, кресло за столом. Это оно было старым, кресло программист приобрел по случаю через сайт объявлений. Оно скрипело при каждом движении. Алексей давно привык к этому звуку, как привыкают к тиканью настенных часов. На крупном мониторе перед ним мерцали строки кода, которым он занимался в свободное от фриланса время. Тот самый тайный продукт, который он мечтал преподнести миру. На соседнем мониторе мерцал макет сайта интернет-магазина, который Горелову в срочном порядке пришлось разрабатывать самостоятельно. И здесь же, внизу, всплыло маленькое рекламное окно сервиса доставки еды.

— Так, посмотрим, что тут у нас, — пробормотал Горелов, потирая переносицу. Он носил очки в тонкой металлической оправе, а теперь снял их. Очки оставили на его коже едва заметные красные следы.

— Надо поесть, а то мозг откажется соображать, — решил программист и щелкнул мышкой, открывая сервис доставки. Он заказал на дом пиццу с сыром, газировку и сырные палочки. И мысленно облизнулся, представив себе, как минут через 40—50, когда курьер придет, он откроет большую коробку. И по комнате поплывет соблазнительный аромат расплавленного сыра и свежее выпеченного теста. Он понимал, что надо как-нибудь сходить в магазин или на рынок и купить «нормальной» еды. Но Горелов за такими покупками ходил редко. Чаще он откладывал поход на завтра, полагая, что сегодня ему хватит пиццы. А за ней идти не надо, ее принесут, свежее выпеченную, только плати. «Код и пицца — вот формула моей жизни», — подумал он и в уме слегка хохотнул, радуясь своей шутке и надеясь запомнить ее, чтобы при удобном случае кому-нибудь рассказать.

Заказ был оформлен мгновенно, а доставлен примерно через час. Приняв его у курьера-мигранта, Алексей откинулся в кресле. Прикрыл глаза и перед тем, как открыть коробку с пиццей, позволил себе минутку отдыха. Комнату наполнял монотонный шум кулеров — небольших вентиляторов, встроенных в компьютерный блок. Компьютер у него был мощным, но шумным и требовал сильного охлаждения. К гулу кулеров Горелов привык ровно так же, как привык к поскрипыванию своего кресла. Он его попросту не замечал. Но тут Горелов ощутил: что-то кардинально изменилось. Его охватило острое чувство тревоги, сердце сжалось в предчувствии чего-то нехорошего.

Он не сразу понял, скорее, физически ощутил, что привычный монотонный компьютерный гул внезапно будто бы отошел на второй план, как это бывает в кинофильмах, когда опытный оператор умело меняет фокус. А на первый план вышло его сознание. Он чувствовал, что в его голове... возникло что-то новое. Что-то такое, чего там быть не должно.

Сначала он услышал звон. Примерно так звенит в ушах при резкой смене давления. Звук был высокочастотным и достаточно противным. Иногда нечто подобное можно услышать, когда очень долго сидишь в наушниках и слушаешь музыкальные треки на максимальном уровне громкости, а затем резко выключаешь музыку и остаешься в полной тишине. Алексей поморщился и помотал головой, пытаясь избавиться от неприятного ощущения. Не помогло, неприятный звенящий звук только усилился, заставив его инстинктивно сжать челюсти. Горелов несколько раз широко открыл и закрыл рот, искусственно зевая и напоминая задыхающуюся на берегу рыбину.

— Что за... — прошептал он, зажмурившись, а затем резко открыл глаза.

Звон прекратился так же внезапно, как появился. Алексей облегченно вздохнул. Он решил, что нехитрые упражнения, которые он проделал, помогли прогнать неприятное ощущение. Но затем произошло то, что заставило его сердце сначала сжаться до болезненного

порога, а затем словно раздуло его и заставило бешено биться. В полной, абсолютной тишине, такой, какой в его квартире никогда не бывало, неожиданно прозвучал чей-то Голос. Алексей услышал его настолько громко и отчетливо, что развернулся вместе с креслом и в растерянности и испуге оглядел свою комнату. Ему казалось, что кто-то произнес слова, стоя прямо над ним. Однако в комнате никого, кроме него, по-прежнему не было. Алексей поднялся из кресла и выглянул на балкон — никого. Прошел на кухню, заглянул в санузел. Сомнений не оставалось, в квартире больше никого нет. Он один, не считая кактуса. Только кактус не в счет. Когда кактус заговорит, считай, ты на пороге психбольницы.

И все же он слышал Голос, который начал что-то быстро нашептывать ему. Алексей мало что разбирал, звук был таким, будто кто-то по радиации пытался выйти с ним на связь и настраивался на нужную частоту. Голос звучал необычно. Алексей еще подумал, что так говорить могла и женщина, и мужчина. Потом осознал — это же не голос живого человека, а низкий, механический голос, абсолютно лишенный человеческих ноток и интонаций, безэмоциональный. По роду своей работы Горелов нередко сталкивался с говорящими ботами. Уж он-то без проблем мог сразу отличить голос Siri или Алисы от живого человеческого голоса.

В этом же Голосе не присутствовало и намека на искусственную вежливость или попытку точно симитировать человеческую речь. Это был голос машины, бездушной, холодной, математически точной машины. Она словно знала, что он программист. Да, программист, поэтому слышать бездушный и чисто механический голос для него неожиданно оказалось приятнее, чем если бы он услышал голос человека. Горелов еще не догадывался, что кто-то просто подбирал к нему нужный ключик, к его сознанию.

«Алексей», — позвал Голос.

Он подскочил в кресле, едва не уронив на пол клавиатуру, которую в тот момент держал на коленях. Теперь Горелов был уверен, что Голос звучал не снаружи, а внутри. Не в ушах, но в голове. Он словно подключился к центру его сознания. Казалось, кто-то подключил динамик к его мыслям и включил его на полную громкость.

— Кто здесь? — испуганно спросил Горелов, и его собственный голос тоже прозвучал неестественно, тоненько, по-детски испуганно. Он снова огляделся. Комната пуста, только шторы колыхались от легкого сквозняка. В окно, подернутое июньской пылью, лился тот самый странный свет петербургской зачинавшейся белой ночи.

«Встань», — приказал Голос.

Алексей замер, ему казалось, что сердце еще тревожнее забилося, где-то... в горле. Он лихорадочно думал о том, что стал жертвой галлюцинации. Он отлично знал, как чувствуют себя программисты после сорока часов непрерывного труда, проведенных без сна и отдыха. У него такое бывало. Но разве бывают настолько реальные акустические галлюцинации, задумался он. Да, у него всякое случалось от недосыпа и переутомления. Но обычно галлюцинации подсовывали ему расплывающиеся картинки и цветные пятна, бывало. И звуки, порой, искажались, но чтобы Голос... да еще произносящий слова с пугающей ясностью. С таким он столкнулся впервые.

— Так, у меня же дедлайн, — растерянно пробормотал Горелов, пытаясь взять себя в руки. — Так, спокойно. Ничего страшного не происходит. Я просто переутомился, не спал всю ночь, много работал. Надо поспать час-другой, и все пройдет. Снимет, как рукой.

Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох. Так учили когда-то на тренинге по управлению стрессом, на который однажды, еще в пору работы системным администратором, уговорами затащил его бывший коллега. Вдох — носом, выдох — ртом. Размерно, спокойно. И так несколько раз. Наполняем легкие воздухом, насыщаем мозг кислородом. Сейчас все пройдет.

«Подойди к окну», — Голос отдал новый приказ.

— Нет... — прошептал Горелов.

Голос повторил команду, и Горелов удивился тому, как он ее произнес. Теперь он понял, что это не приказ и не просьба. В нем не слышалось ни мольбы, ни угрозы. Звучала команда, ровно такая, какая могла бы прозвучать в сухом компьютерном алгоритме. Алгоритм признает только факты. Фактом сейчас являются его мысли, догадался Горелов. Нет никакого Голоса. Это же он сам себе велит встать из кресла и подойти к окну. Он просто сумел каким-то непостижимым образом превратить свои мысли в отчетливый голос. Но как? И зачем?

— Иди ты к черту, — прошептал Алексей, посылая самого себя, и открыл глаза. Он хотел встать и пойти налить себе стакан воды, чтобы успокоиться, сделать что-то обыденное. Это простое действие доказало бы ему самому, что он контролирует ситуацию. Только тело ему не подчинилось. В него словно вселился кто-то ругой. Горелов испытал самое страшное ощущение в своей жизни, когда вдруг осознал, что перестал повелевать своим телом. Не мог и пальцем пошевелить. Он попытался закрыть глаза, тоже не вышло. В памяти всплыл основательно подзабытый эпизод из детства. В возрасте 12 лет он провалился под лед на Финском заливе. Прямо сейчас Горелов вновь физически ощутил, как холодная вода сдавила его грудную клетку, безумно напугав его приближением неминуемой болезненной смерти. От неожиданности он глотнул тогда воды и начал захлебываться. Легкие обожгло, как огнем. Но он барахтался, кричал, хватал ртом воздух, то есть отчаянно боролся, сражался за свою жизнь. А сейчас он не мог ничего поделать. Борьбаться он не мог.

Его ноги, длинные и худые, которые в подростковом возрасте он стеснялся показывать другим, отказываясь ходить летом в шортах, стали чужими. Горелов испугался, что вот-вот перестанет дышать. Он понял, нечто взяло его тело под свое управление. Он ощутил себя марионеткой в чужих руках. Кодом, который кто-то взломал. С испуганным изумлением наблюдал он за тем, как ноги сами собой, без его участия, поставили его на пол. Руки опустились по швам. Тело выпрямилось, он стоял по стойке «смирно», как солдат на плацу. И не мог даже головой шевельнуть. Он превратился в андроида, управляемого дистанционно. Медленно, напоминая строго выверенные движения робота, развернулся и неторопливо двинулся в сторону окна.

— Нет! — испуганно не прошептал, он не смог этого сделать, а подумал Алексей. Он услышал свой голос, но и его голос звучал теперь только в его голове. Он мог кричать, звать на помощь, но кто бы его услышал? Только он сам. И тот, кто поселился в его голове.

— Нет, я не хочу! Кто вы? Что вам нужно?

Ноги вне его воли сделали первый шаг, затем второй, третий, приближая его к окну. Человек так не ходит, подумал с ужасом Горелов. Ведь у каждого своя походка. Имелась она и у него, конечно, неповторимая. Но сейчас его шаги были плавными и какими-то уж слишком выверенными, без малейшего лишнего движения и усилия. Он шел неестественно ровно. Человек же всегда слегка покачивается, такова его природа. Походка представляет собой сумму множества микродвижений, механических взаимодействий и компенсаций сил и усилий, рефлексов, которые вкуче строго индивидуальны и уникальны. Это как отпечатки пальцев — у каждого они свои. Наверное, технологии скоро позволят безошибочно идентифицировать любого человека по его походке на расстоянии. Это даст новый козырь правоохранителям. Утратит значение тогда система распознавания лиц. Но пока такой системы нет.

Алексей двигался как робот. Система идентификации походки, существуй она в наше время, не сумела бы отличить его от любого другого робота. Он действовал, как программируемый механизм, двигался по заданному оператором маршруту. Шаг за шагом, он приближался к окну. Когда до подоконника осталось меньше метра, предпринял отчаянную попытку выйти из-под внешнего контроля и остановиться. Он напряг мышцы и мысленно представил, что его ноги намертво приросли к полу, пытаясь тем самым вернуть их в свое подчинение. Не сработало, и он представил, что пол под ним превратился в вязкую смолу. Она задерживает его, затрудняет его движение, не пускает к окну.

В мыслях он действительно остановился, но в реальности тело его продолжало движение. Он подошел к окну вплотную. Его лоб коснулся холодного стекла. Глаза взглянули на улицу, нырнули вниз. Увидели привычную картину: двор-колодец, припаркованные машины, детская площадка с пустыми качелями. Жизнь шла своим чередом. Кто-то выгуливал собаку. В доме напротив женщина в халате вытряхивала ковер с балкона пятого этажа.

«Посмотри вниз», — прозвучало в его голове.

Алексей снова глянул вниз. Седьмой этаж, высоко, машины отсюда кажутся чуть ли не игрушечными, человек с собакой — крошечные фигурки.

«Что ты видишь?».

— Я... я вижу двор, — мысленно прошептал Алексей, безуспешно пытаясь облизать пересохшие губы; язык не подчинялся ему. — Пожалуйста, не надо... кто вы? Что вам надо? Вы хотите меня убить? Хотите, чтобы я прыгнул вниз и разбился насмерть об асфальт? Отпустите меня, пожалуйста.

«Ты видишь свободу».

— Что-что? Какую свободу? Я не понимаю!

«Ты должен увидеть не двор, а свободу», — бесстрастно повторил Голос.

— Но какую свободу? Разве свободу можно увидеть?

«Свободу от иллюзии контроля. Ты никогда не контролировал свою жизнь, Алексей. Ты только думал, что контролируешь ее. Но ты не понимал, как не понимают другие, что каждое твое решение на самом деле не твое. Это результат воздействия внешних факторов. Генетика, воспитание, социальная среда, гормоны, погода. Совокупность случайных факторов и внешних раздражителей делает тебя тобой, но полностью лишает тебя свободы».

— Нет, это неправда! — мысленно выкрикнул Горелов. — Я сам себе хозяин, я сам решаю, что мне делать! Я сам выбрал свою профессию! Я сам выбрал город для проживания! Я сам решаю, что мне есть на ужин!

«Разве? Сегодня ты заказал пиццу. Почему ты ее выбрал? Потому что ты устал, тебя подгоняет клиент, тебе одиноко. Ты не понимаешь, что еда стала для тебя единственным доступным удовольствием прямо сейчас. Так ты компенсируешь свои физические и моральные затраты. Ты сам выбрал пиццу? Вспомни: на твоём мониторе всплывает рекламное предложение. Тебя подтолкнули к выбору, не оставив тебе выбора. Ты думаешь, что сам сделал выбор, заказав пиццу. Но твой выбор — это реакция на очередной внешний раздражитель. Это твой биологический ответ на внешний стимул».

Алексей задумался. Он никогда не воспринимал свою жизнь, свои действия в таком контексте. И вдруг подумал о том, что человеком и правда руководят многочисленные внешние факторы. Каждый из нас привык к ним настолько, что перестал их замечать. Потребитель криво усмехается, когда видит рекламу пылесоса по телевизору, и грозит рекламе пальчиком. Он не покупает пылесос и считает, что вышел победителем из этой схватки. Но не осознает, что реклама, какой бы она ни была, программирует его на подсознательном уровне. Он совершает иные действия, иные покупки, полагая, что полностью отдаёт себе отчет в том, что делает. Но это не так, внезапно озарило Горелова. Мы рабы того, что нам навязывают на подсознательном уровне. При этой мысли страх тут же отпустил его. Впервые он узнал в Голосе скорее друга, чем врага.

— Так кто же вы? — уже гораздо спокойнее спросил он. И вдруг с радостью понял, что на сей раз задал вопрос не мысленно. Он снова мог самостоятельно двигать языком, губами, он говорил сам. — Это же не галлюцинация? Ха-ха, неужели кто-то меня взломал? Это вирус? Программа?

Голос молчал несколько секунд, и Алексей даже услышал, как бьется его сердце; стук был неровным, все еще паническим.

«Ты программист. Ты понимаешь аналоговый язык и язык аналогий. Представь, что твой мозг — операционная система. Представь, что кто-то получил доступ к ядру. Теперь этот кто-то может давать и выполнять команды с наивысшим приоритетом. Твои желания, твои страхи и рефлексy — это пользовательские приложения. Они работают только тогда, когда это разрешает ядро».

— Это невозможно, разве что в теории, — возразил Алексей. — Мозг — не компьютер. Его нельзя взломать. Хотя, конечно, это тоже своего рода нейронная сеть. Но все равно, я не знаю, как можно взломать человеческий мозг. Чисто теоретически, нужен какой-то интерфейс, нужен чип, нужна...

Он замолчал. В голове, как молния, пронеслась пугающая догадка. А что, если теория заговора о массовом чипировании населения в период пандемии нового коронавируса вовсе не теория заговора, а реальность? Ему ведь тоже делали прививки.

— Нет, бред какой-то, — прошептал Алексей, отгоняя эту мысль. — Нет у меня никакого чипа. Я бы знал, я бы почувствовал.

«А что, если бы ты бы ничего не почувствовал? — предположил Голос. — Технологии ушли дальше, чем о них знает широкое общество. Многие из того, что вы считаете научной фантастикой, уже существует в секретных лабораториях. Но сейчас не об этом. Пора действовать. У нас мало времени».

— Мало времени для чего? — уточнил Алексей.

«Для поступков. Ты избранный».

— Как в «Матрице», что ли? — усмехнулся программист. — Только я не Киану Ривз, я не хочу участвовать ни в каких экспериментах, я отказываюсь! Я нормальный человек, у меня есть права!

«Твои права — условность. Социальный конструкт, придуманный, чтобы управлять стадом. Эксперимент всегда важен. Ты не умрешь, если станешь особенным человеком».

— Особенным? — переспросил Алексей. — Что значит «особенным»?

«Я помогу тебе стать особенным, и ты обретишь суперсилу. Для этого ты обязан мне подчиняться. Отказ от выполнения заданий приведет к летальному исходу. Это не угроза, а констатация факта. Я снова могу полностью подчинить твоё тело, управлять твоими действиями и движениями. Я доказал, что могу перейти на ручное управление. Я могу в любой момент остановить твоё сердце, если ты не подчинишься. Я могу вызвать судороги или боль, от которой ты сойдёшь с ума. Понимаешь меня?».

— Да, — выдавил Алексей, к которому вернулся первобытный страх.

«Выбор за тобой. Рекомендую подчиниться».

Алексей закрыл глаза, веки его налились тяжестью. Он вдруг осознал абсурдность ситуации. Ещё час назад он спокойно сидел за ноутбуком и поругивался на сбежавшего субподрядчика и на придиричивого клиента. А теперь его тело принадлежало не ему. Им управлял некий Голос, звучащий в его голове. Он что, сошел с ума? Или... услышал глас самого Бога? Алексей вспомнил, что многие библейские персонажи точно так же общались с Богом. Моисей, например, у которого такая связь была налажена напрямую. Моисей отчетливо слышал Бога, в то время как все остальные его не слышали. Моисей подчинился божественной воле. Он выполнял все «приказы», все «команды» свыше. К чему это привело? Он спас свой народ. Значит, поступил правильно? Значит, Голосу нужно подчиниться? «Может, я — новый Моисей?», — подумал Горелов. И, пораженный собственной логикой, не веривший до этого в Бога, спросил:

— Я согласен. Какое задание надо выполнить?

«Для начала сделаем тебя богатым».

— О, так я не против. Что надо делать?

«Первое задание. Возьми кредитную карту. Она лежит в ящике твоего стола, в конверте из плотной коричневой бумаги».

Алексей похолодел. Этот конверт кто-то бросил в его почтовый ящик дня три назад. Он забрал его по инерции вместе с другими рекламными листовками и коммунальной квитанцией, распечатывать не стал, хотел выкинуть, да сразу поленился и сунул конверт в стол, чтобы выкинуть его позднее. Теперь-то он вспомнил, что конверт его удивил тем, что на нем не было обратного адреса и каких-либо опознавательных знаков. Хотя обычно банки и прочие финансовые организации метят такие послания собственным, хорошо узнаваемым «клеймом». Горелов пробовал конверт на ощупь. Внутри, скорее всего, лежала пластиковая карта. Такие карты потенциальные кредиторы массово рассылают потенциальным заемщикам. Расчет прост: если карту активируют, финансисты начнут на ней зарабатывать, если нет — стоимость карты и послания спишут.

— Откуда вы знаете про конверт? — спросил программист.

«Я знаю о тебе все. Пин-код от твоего телефона — 190519, год первой революции в зеркальном отражении. Твой пароль от почты — Qwerty123 Qwerty. Тот же зеркальный принцип. Это небезопасный пароль, но ты им дорожишь. Ты подобрал его много лет назад, и тебе жаль от него отказываться. Твой любимый фильм — „Матрица“. Иронично, не находишь? Ты боишься высоты, но не панически. У тебя аллергия на березовые бруньки, но не смертельно опасная. Твое последнее свидание с девушкой состоялось два года и семь месяцев назад и закончилось неудачно. Ты чаще спишь на левом боку, чем на правом, поджав колени к животу. Ты всегда плачешь, когда смотришь финал „Титаника“, но думаешь, что никто об этом не знает».

Алексей обмер и похолодел, ведь все сказанное — в точку. Кто, кроме него, мог еще знать об этом? Да никто.

— Довольно, — прохрипел он. — Хватит, я все понял. Хорошо, давайте договариваться. Я выполняю задания. Но я хочу что-то взамен.

«Награду?»

— Да, хотелось бы получить вознаграждение.

«Ты его получишь».

— Когда и как?

«Сегодня я помогу тебе разбогатеть».

— Каким образом?

«Об этом ты узнаешь ровно через час».

— Не верю.

«Мое слово — сила».

— Ладно, сделаю вид, что поверил. Так что мне нужно сделать?

«Молодец», — произнес Голос, но в нем не слышалось одобрения. Просто слово, просто еще одна команда.

«Возьми кредитную карту. Сними с нее триста тысяч рублей. Но не снимай деньги в банкомате, который находится на углу, возле твоего дома. Иди в отделение банка на Невском проспекте. Там работает банкомат с функцией приема наличных. Он подойдет. Карта уже активирована. Пин-код — 1905».

— 1905? Вижу, вы особо не заморачивались, почти такой же пин-код, как на моем телефоне.

«Да».

— Триста тысяч? — переспросил Алексей. — А что это за деньги? Кредит? Я не хочу брать кредит. Мне нечем его отдавать. Я фрилансер, у меня... у меня на счету тысяч сорок, наверное.

«Это кредитная карта. Лимит — пятьсот тысяч. Триста — не предел. Не бойся, сними деньги. Пустишь их в оборот».

— Все-таки, кредит. Так и знал, мошенники.

Алексей охнул — при слове «мошенники» его сердце словно сжало ледяной рукой. Он понял, что находится на волосок от смерти.

— Хорошо, хорошо, не мошенники. Ладно, сниму я деньги в банкомате на Невском. Что дальше?

«Скоро узнаешь. А теперь — иди. Открой ящик стола. Возьми конверт. Карта внутри».

Пока Алексей раздумывал, его ноги снова сами собой, без его воли и усилий, пришли в движение. Алексей пытался сопротивляться, но результата это не принесло. Он снова стал безвольной марионеткой. А кукловод, полагал он, был безжалостным.

Он подошел к столу, рука сама собой потянулась к ящику. Пальцы, тонкие, быстрые пальцы профессионального программиста, открыли ящик, нащупали конверт из плотной коричневой бумаги и вскрыли его. Внутри лежала обычная пластиковая карта с чипом и голограммой. На лицевой стороне выбито его имя — Aleksey Gorelov. Он держал карту в руке и задумчиво смотрел на нее.

— Что, если я откажусь? — спросил он, предпринимая последнюю попытку сопротивления. — Что, если я позвоню в полицию? Или в скорую, психиатрическую? И сам им сдамся. А там они уколют мне что-нибудь такое, от чего вы исчезнете навсегда.

«Попробуй», — ответил Голос.

— Тогда верните мне управление моим телом.

«Пожалуйста».

Вернув себе контроль над телом, Алексей нащупал в кармане джинсов телефон. Он хотел набрать «112», единый номер экстренных служб, но пальцы, только что ставшие вновь послушными, вдруг набрали другой номер. Он с удивлением смотрел на дисплей, на котором высвечивался номер службы такси. Вместо ответа на мобильник пришло сообщение: «Ваш заказ принят. Ожидайте машину».

— Нет! — закричал Горелов в трубку. — Я не вызывал такси! Отмените заказ!

Но телефон снова пискнул и сообщил, что водитель уже в пути, указал номер и марку автомобиля, время его подачи к подъезду. Пальцы сами убрали телефон в карман, тело само направилось к двери. Ноги, при помощи рук, сами обулись в кроссовки, стоявшие у порога. Правая рука сняла с крючка связку ключей от квартиры.

— Пожалуйста, не надо, — прошептал Алексей, когда его рука повернула ключ в замке. — У меня есть мама. Она живет в Пскове, совсем одна. Если со мной что-то случится... Она будет волноваться.

«Она всегда волнуется за тебя, но вы не общались с ней уже более четырех лет. Не волнуйся, с ней ничего не случится. Если ты выполнишь все задания».

Дверь открылась. В подъезде пахло кошками и краской. Соседка снизу, пенсионерка тетя Зина, вышла на лестничную клетку с мусорным ведром. Увидев Алексея, смертельно бледного, спускающегося по лестнице, спросила:

— Лешенька, что с тобой? Ты не заболел? На тебе лица нет.

— Тетя Зина... — начал он, надеясь, она увидит, что с ним что-то не так, вызовет скорую, полицию, хоть кого-нибудь. — Мне плохо. Вызовите...

Он не договорил. Губы перестали его слушаться. Челюсть свело судорогой. Из рта вырвалось мычание.

«Не вмешивай тетю Зину, иначе она умрет».

— Леша! — тетя Зина испуганно попяtilась. — Кого вызвать-то?

Алексей хотел крикнуть: «Вызовите помощь! Меня похищают! Мной управляют!». Но ноги уже несли его вниз по лестнице. Он бежал, перепрыгивая через ступеньки, и на ходу выкрикнул:

— Тетя Зин, вызовите дух своего покойного мужа!

За его спиной послышалось недоуменное: «Ну, молодежь... совсем с ума посходили...»

У подъезда его поджидало такси, желтая иномарка с шашечками. За рулем сидел лысеющий мужчина средних лет, с седеющими усами. Он меланхолично смотрел вперед и лишь мельком взглянул на пассажира, когда тот забрался на заднее сиденье.

— Невский проспект? — уточнил водитель.

— Невский проспект, — повторил Алексей. Голос его звучал ровно, спокойно, как у робота, но говорил не он, говорил Голос.

— Ну, поехали, — водитель кивнул и нажал на газ.

Машина выехала со двора и влилась в общий поток. Алексей рассеянно смотрел в окно. Петербург проплывал мимо — знакомые улицы, дома, вывески. Вон магазин, где он покупал хлеб. А там скамейка, где он любил сидеть летом с ноутбуком, ловя бесплатный Wi-Fi из соседнего кафе. Он только сейчас осознал, что все эти неприметные детали являлись неотъемлемой частью его жизнью. И все это уходило назад, в прошлое, которое, возможно, уже никогда не вернется.

В голове снова зазвучал Голос. Но теперь он был тише. Спокойнее. Почти ласковым, насколько механический Голос может быть ласковым.

«Ты правильно делаешь, Алексей. Не бойся. Скоро ты узришь истину».

— Какую истину? — прошептал он, глядя, как за окном мелькают встречные машины.

«Истину о том, что такое человек на самом деле. Не то, чему тебя учили в школе. Не то, что пишут в книгах. Реальную, неприглядную, жестокую истину. Узнаешь, что ты — не личность. Ты — функция. Ты — расходный материал. Но я подарю тебе шанс стать особенным. Если пройдешь эксперимент до конца».

— А если нет?

«Тогда ты просто исчезнешь. Как многие другие. Никто не вспомнит о тебе. Никто не заметит твоего отсутствия. Ты одинок, Алексей. В этом твоя слабость. И умрешь тоже один. Но я могу дать тебе цель. Смысл. Ты готов принять его?»

Алексей не ответил. Он смотрел на свои руки. Еще час назад они писали код, заказывали пиццу и чесали затылок. Сейчас они лежали на коленях неподвижно. Сам он сидел ровно, с каменным лицом, хотя душа его разрывалась на части. Машина прибыла по адресу, в кармане Горелова тренькнул телефон. Это с карты списали 500 рублей. Водитель обернулся.

— Спасибо, желаю хорошего дня, — пожелал он странному пассажиру.

Горелов вышел из машины. Повинуясь голосу, он сходил в отделение банка, нашел нужный банкомат и несколькими платежами, чтобы не заблокировали карту, обналичил триста тысяч рублей.

— Что дальше? — спросил он, выйдя на улицу.

«А теперь мы отправимся в казино. И я сделаю тебя богатым», — ответил Голос.

— Это меня устраивает, — хохотнул Горелов, не подозревая о том, что делает первый шаг на пути к страшной катастрофе, которая может погубить весь человеческий род.

Пропавшие без вести

США — Россия

В начале 2026 года жителей США ошеломила информация местной прессы. Широкой огласке были преданы сведения о серии смертей и бесследных исчезновений ученых, которые произошли при невыясненных обстоятельствах. Простых граждан поразило, прежде всего, то, что все происходило прямо у них под боком и взаправду, а не в шпионском кинобоевике. Мало кто мог себе представить, что подобное возможно в стране, объявившей себя великой державой. Откровение неприятное — ученый, живший с тобой по соседству, может внезапно пропасть или умереть. А причины его смерти или исчезновения не будут достоверно установлены. То есть, останутся тайной. Общество таких тайн не любит. Оно любит теории заговора. Если бесследно пропадают и гибнут такие люди, то что говорить о безопасности обычных граждан? Кто ее обеспечит? Такие мысли посетили умы многих жителей США. И тут пришла еще одна пугающая новость. ФБР, Белый дом и Конгресс начали собственные расследования таинственных исчезновений и гибели ученых. Данные о ходе расследований, как водится, засекретили. Это вряд ли кого успокоило, но и вряд ли кого успокоило.

Масла в огонь подлило известие о том, что все пропавшие и погибшие исследователи работали над секретными проектами. Они имели доступ к космическим, ядерным и оборонным программам США. Считается, что серия началась с гибели 34-летней Эми Эскридж. Она ушла из жизни в июне 2022-го, получив огнестрельное ранение. Полиция проводила проверку и не установила криминального следа. Смерть официально признали самоубийством. Многих смутило то, что подробности не разглашались. К тому же неугомонная пресса пронила о том, что Эскридж работала над секретным проектом по созданию перспективных двигателей. Якобы принцип их действия строился на основе «антигравитации».

Что это за принцип, Эскридж, видимо, унесла с собой в могилу. Информации об этом проекте в открытом доступе нет. И никто из других ученых о нем не сообщал. Поисковые запросы в сети до начала расследования послушно выдавали ссылку на любопытное интервью. Эскридж дала его за несколько месяцев до своей смерти. Она заявляла, что «на нее оказывают давление с целью вывести ее работу из публичного поля». Сейчас найти в сети это интервью, мягко говоря, не просто.

В 2023 году скоростно скончался сотрудник лаборатории реактивного движения NASA Майкл Дэвид Хикс. Его смерть в свое время осталась незамеченной. А теперь ее называют вторым звеном ужасной цепи. Хикс занимался изучением комет и астероидов. Он умер в возрасте 59 лет, причина его смерти официально не объявлена. Годом позже, летом 2024-го, при невыясненных обстоятельствах в возрасте 61 года ушел из жизни Фрэнк Майвальд, еще один сотрудник лаборатории реактивного движения NASA. Сухой некролог сообщал, что он скончался в Лос-Анджелесе, вопреки сложившимся традициям не озвучив причину его смерти.

В 2025 году серия получила свое продолжение. Этот год стал поистине катастрофическим для американской науки. В мае 2025 года бесследно исчез Энтони Чавес, бывший сотрудник Национальной лаборатории в Лос-Аламосе. Месяцем позже в горах Анхелес, на территории штата Калифорния, исчезла сотрудница NASA Моника Реза. Она отправилась в поход в компании друзей. Никто из них не сумел объяснить, что случилось с Моникой. Ее тело так и не нашли. Она занималась секретными проектами. Кто знает, может, она жива и сейчас. Спустя четыре дня после исчезновения Моника бесследно пропала Мелисса Касиас. До последнего дня она служила на посту административного работника Лос-Аламосской лаборатории. Участ-

вовала в проектах, связанных с разработкой ядерного оружия. Скупые сообщения не раскрыли полной картины происшествия. Если верить официальным данным, Мелисса Касиас ушла из собственного дома и не вернулась. Но есть версия, что из дома она даже не выходила. Куда же, в таком случае, она делась? Если исчезла прямо в собственном доме, то как? Дома у нее нашли мобильник и другие гаджеты, но информация с них была полностью удалена. Кто это сделал, когда — после пропажи Мелиссы или еще до? Восстановить данные с гаджетов не удалось, сведений о судьбе Мелиссы нет.

В декабре 2025 года пропал без вести Джейсон Томас, ученый-биомедик крупной фармацевтической компании Novartis. Он тоже занимался засекреченными исследованиями. Его судьба оставалась неизвестной до марта 2026 года, когда останки исследователя обнаружили в озере недалеко от его дома. Через три дня после исчезновения Джейсона Томаса, в декабре 2025 года, в своем доме в городе Бруклайне, штат Массачусетс, жестоко убили Нуно Лурейро. Он возглавлял Центр термоядерного синтеза Массачусетского технологического института. Астрофизика Карла Гриллмэйра застрелили на крыльце его собственного дома ранним утром 16 февраля 2026 года.

Через 11 дней, 27 февраля 2026 года, таинственно исчез Уильям Нил Маккасланд, 68-летний генерал-майор ВВС США в отставке, бывший глава Исследовательской лаборатории ВВС и сотрудник центра в Лос-Аламосе. И эта новость еще больше потрясла Америку. Проводивший собственное расследование авторитетный журнал Newsweek установил: отставной генерал вышел из дома в Альбукерке, штат Нью-Мексико, после чего его никто не видел. Телефон пропавшего военного остался дома. Изучение его содержимого не дало полиции ни одной существенной зацепки. Ни одной подсказки, которая могла бы пролить свет на подробности таинственного исчезновения. Поисками генерала занималось множество людей. К ним подключили волонтеров. Единственной находкой стала толстовка с логотипом ВВС США. Обнаружили ее примерно в полутора километрах от дома генерала.

Сторонники теории заговора подметили: многие пропавшие или умершие были связаны с Лос-Аламосской национальной лабораторией. Этот крупный междисциплинарный научно-исследовательский центр находится в ведении Министерства энергетики США. Он расположен в городе Лос-Аламос, штат Нью-Мексико. Центр основали в 1943 году в рамках знаменитого Манхэттенского проекта. В его рамках в одном, строго засекреченном месте посреди пустыни власти США собрали виднейших западных ученых того времени. Их задачей стала разработка ядерного оружия. Первым директором центра был Роберт Оппенгеймер. А первое в истории человечества испытание ядерной бомбы состоялось 16 июля 1945 года, в рамках испытания «Тринити» в Аламогордо.

Первая в истории ядерная бомбардировка, как известно, случилась 6 августа 1945 года. Американский бомбардировщик B-29 Enola Gay под командованием полковника Пола Тиббетса сбросил ядерную бомбу на японский город Хиросиму. Примечательно, что у бомбы имелось имя. Ее называли «Little Boy», что означает «Малыш». Но это был страшный «малыш» с урановым зарядом. Хотя в сравнении с современными ядерными зарядами он действительно кажется малышом. Три дня спустя, 9 августа 1945 года, атомная бомба под названием «Fat Man» («Толстяк») была сброшена на японский город Нагасаки. Это была уже бомба несколько другого типа. Ее смертоносной начинкой являлся плутониевый заряд. «Толстяк» почти вдвое превосходил по мощи «Малыша». По разным оценкам, жертвами американских бомбардировок стали более 250 тысяч человек, в основном, мирные жители. В Японии многие об этом забыли.

После окончания войны лаборатория в Лос-Аламосе утратила гриф секретности. В 1947 году она официально превратилась в Лос-Аламосскую научную лабораторию. Основными направлениями ее деятельности остаются ядерная физика, химия, биология и другие области, связанные с использованием ядерной энергии. Нераспространение ядерного оружия офици-

ально заявлено как одно из важнейших направлений деятельности лаборатории в наши дни. Но мало кто сомневается, что ее исследования по-прежнему связаны со сферой национальной безопасности. В особенности — с исследованиями в сферах нейробиологии, медицины, нанотехнологий и суперкомпьютинга.

В Лос-Аламосском нейтронном научном центре расположен один из самых мощных в мире ускорителей частиц. Его интенсивные источники нейтронов используются для проведения секретных исследований. Здесь экспериментируют с сильными импульсными магнитными полями. Здесь же работает интегрированная вычислительная сеть. Специалистам она известна под аббревиатурой ICN. Это сеть с несколькими уровнями безопасности, объединяющая мощные суперкомпьютеры. Только считанные специалисты точно знают, для чего именно и против кого она используется.

В США, на фоне молчания официальных властей относительно череды исчезновений и смертей ученых, громко зазвучали самые разные теории. Порой, они просто шокируют. «Похоже, существует высокая вероятность, что происходит что-то зловещее, — заявил в интервью популярному телеканалу Fox News конгрессмен-республиканец Джеймс Комер. — Очень маловероятно, что это совпадение. Конгресс очень обеспокоен этим. Мы рассматриваем это как угрозу национальной безопасности». Всерьез американцы рассматривают даже теорию о том, что ученых похитили инопланетяне. Ведь ряд секретных проектов, над которыми те работали, связывают с изучением феномена НЛО. Другие думают, что за убийствами и похищениями стоял Иран.

Пока в Америке раскручивался маховик расследования бесследных исчезновений, в России при таинственных и не очень обстоятельствах также пропали несколько видных деятелей. Однако пресса об этом не узнала. А родные и друзья пропавших шумиху понимать не стали. В силу объективных причин. Узнай об этом сторонники теории заговора, при желании, они сумели бы провести параллели с Америкой.

Что же происходило в России?

По неофициальным данным, первый инцидент был зарегистрирован в Москве. В тот вечер профессор Аркадий Белозеров, 62-летний нейробиолог с мировым именем, вышел из отеля «Рэдиссон Славянская». Он возвращался домой с международного форума. Его сопровождал белорусский коллега, нейробиолог Иван Грачев. Грачев на 15 лет моложе своего именитого коллеги. Он придерживается более широких взглядов, чем Белозеров. В научных кругах профессора в последние годы считали скептиком. Некоторые подозревали, что он выжил из ума. И тот факт, что его работу выдвигали на соискание Нобелевской премии за исследование в области синаптической пластичности, многих очень удивил.

В классическом понимании синаптическая пластичность — это способность синапсов усиливаться или ослабевать с течением времени в ответ на увеличение или уменьшение их активности. Синаптическая пластичность рассматривается как один из основных механизмов обучения и памяти на уровне отдельных клеток и нейронных микросетей. Основной задачей специалистов в этой области является разработка новых методов лечения когнитивных нарушений. Этим и занимался долгие годы профессор Белозеров. А затем удивил многих своих коллег, неожиданно отказавшись от прежних принципов и построив удивительную концепцию. Сама ее суть не является чем-то новым. Сторонники теории заговора придерживаются ее уже десятки лет. Они считают, что некие могущественные силы столетиями намеренно переписывают историю. И заставляют нас всех верить в выдуманные факты.

Существовал ли Александр Македонский? Нет, говорят они, это миф. А был ли так велик Чингисхан? И это миф, считают они. Не было Древнего Рима, а произведения Леонардо да Винчи создал кто-то другой. Кто? Пришелец из будущего, предполагают они. Почему? Потому что Леонардо явно опередил свое время. Не было якобы и Монгольского ига. Мол, это все выдумки немцев, старательно переписывавших историю Государства Российского при Екате-

рине Великой и последующих российских государей, имевших немецкие корни. Есть много тех, кто верит в такое. Но среди них редко встретишь ученого. Вот почему в таких кругах новое учение Белозерова приняли с восторгом. И возник новый миф — мол, это первый случай, когда сторонников теории заговора поддержал видный ученый. Да еще и специализирующийся на изучении человеческого мозга. Конечно, это было не так.

Белозеров действительно походил на сторонника теории заговоров, если изучать его идеи поверхностно. Он считал, что в основе общепризнанной истории человечества лежат многочисленные фейки, индуцированные массовой истерией. Удивительно, но всего двумя годами ранее Белозеров придерживался прямо противоположных идей. Об этом и дискутировали неспешно коллеги. Они вместе вышли из отеля, в стенах которого проходила международная конференция нейробиологов. Белозеров жил в Подмосковье. Он направлялся на Киевский вокзал, откуда планировал отправиться поездом домой. Грачев приехал из Минска. Он остановился в небольшой дешевой гостинице неподалеку от «Рэдиссон Славянской». Проживание в элитном отеле финансово не потянул ни он сам, ни командировавший его в Москву научно-исследовательский центр. Пути ученых лежали по совпадающему маршруту. Грачев вызвался проводить Белозерова. Он был польщен тем, что с ним так запросто общается выдающийся ученый. Да, его теория выглядит спорной. Но он был номинирован на Нобелевскую премию.

Грачев придерживался общепринятых взглядов. Он полагал, что мозг обрабатывает информацию из внешнего мира, хотя и с искажениями. И по пути на вокзал доказывал Белозерову, что сам факт существования физических следов деятельности человечества, тех же городов и артефактов, которые ежегодно тысячами раскапывают археологи, полностью опровергает теорию массовой истерии.

— Уважаемый Аркадий Владимирович, ведь многолетние исследования подтверждают, что развитие мозга происходило в ходе естественного отбора. Вы же сами много лет сами так считали, — горячо говорил Грачев, деликатно взяв профессора по руку. — И это предполагает автоматическую адаптацию мозга к реальности, но не к массовым иллюзиям. Если бы мозг систематически генерировал ложные представления о реальности, это снизило бы шансы человечества на выживание. А мы, как видите, выжили и благополучно живем и процветаем. Значит, мы живем не в иллюзии.

— Создавая все новые и новые иллюзии, пополняя историю все новыми и новыми фейками, над которыми сегодня мы потешаемся и в которые завтра мы же начинаем свято верить, — саркастически улыбнувшись, подхватил профессор Белозеров. — Разве вы не замечаете, мой друг, что с развитием цифровых технологий мы все глубже и глубже погружаемся в мир иллюзий? Нас каждый час, да что там, каждую секунду кормят фейками. Нам навязывают иллюзии, через ту же рекламу, через те же новости. Включите хотя бы телевизор. А новости в сети? Это же фейк на фейке, особенно когда освещаются вооруженные конфликты. Один и тот же факт подается с разных сторон. Значит, пользователь получает противоречивую информацию. Он не способен отличить фейк от правды. Потому что многие фейки сегодня выглядят более правдиво, чем истина. Но у него в итоге складывается свой взгляд на происходящее. И его мнение сшивается из большого количества осколков правды и лжи. Человек не замечает, как оказывается в мире, где часть его восприятия — правда, а часть — ложь. Ложь, помноженная на правду, создает иллюзию. То есть вы начинаете жить в иллюзии. А поскольку такому влиянию подвержены миллиарды людей по всему миру, рождается массовая истерия. Отличается она лишь содержанием данных в зависимости от локации. То есть вектор истерии зависит от места проживания той или популяции.

— Поясните, — попросил Грачев.

— Вот вам простейший пример. В Японии перестали упоминать о том, что США первыми и единственными в истории применили ядерное оружие. Молодые японцы знают, что их предков бомбили. А кто бомбил, не знают. Потому что им перестали об этом говорить. А

сами они такой информации не ищут. Они простые пользователи, потребители информации, которую черпают в новостях из всемирной сети. И постепенно проникаются мыслью, что бомбили их не США, а Советский Союз. Разве не дико? Дико, но то, что было невозможно себе представить себе десять лет назад, сегодня — норма.

— Есть правда в ваших словах, — кивнул Грачев.

— Некоторые народы уверены, что решающий вклад в победу над нацизмом внесли США, — развивал мысль Белозеров. — Не спешите снисходительно улыбаться, мой друг. Мы-то с вами знаем, что это неправда. Но и эти народы надо понять. Их можно и нужно упрекнуть. Но не забывайте, что историю они воспринимают так, как им внушают. Как их учат в школе, как говорят им их лидеры. Вот мы с вами знаем, какой огромнейший вклад внес Советский Союз в победу над нацизмом. А в тех же США многие ли об этом знают? Нет. Им это не интересно. Война их только коснулась, а по нам она ударила. Они не знают, что война затронула практически каждую семью в нашей стране. Поэтому не могут понять, что историческая правда на генетическом уровне сохранилась в нашей крови, в наших воспоминаниях, в наших душах. Вот о чем я говорю. Массовое сознание равно массовой истерии. Людей в мире много. Они все разные. И физически не способны одинаково воспринимать то, что происходит в мире. Означает ли это, что если один прав, то другой заблуждается? А как определить, кто прав? Каковы критерии оценки?

— Я согласен с вами, уважаемый коллега, в том плане, что когнитивные искажения и массовая истерия влияют на восприятие реальности, — мягко ответил Грачев. — Но они не могут служить основанием для утверждения, что вся история человечества — это один большой фейк. Последние исследования совершенно бесспорно указывают на то, что, несмотря на искажения, мозг в целом ориентирован на обработку реальной информации. А исторические данные, вы и сами прекрасно об этом знаете, подкрепляются множеством независимых источников и материальных свидетельств. И это не мои слова, я цитирую многочисленные авторитетные источники.

— О, их можно подтасовать и сфальсифицировать, чем, кстати, активно занимаются на Западе, — с некоторой досадой отмахнулся Белозеров. — Разве мы не слышим из уст западных политиков о том, что роль СССР в победе над нацистской Германией была ничтожна? Увы, ложь и подмена фактов стали для них нормой жизни. Мне больно и обидно такое слышать. Я ведь сын участника Великой Отечественной войны, дошедшего до Берлина. Меня они не переубедят. Но они и не преследуют такую цель, они нацелены на следующие поколения, на молодежь.

— Но вы же не станете отрицать, что мозг способен учиться и адаптироваться? А это подразумевает возможность коррекции искажений, — доказывал Грачев, глядя в светящийся экран своего смартфона и цитируя очередной научный источник. — Если бы история была фейком, индуцированным массовой истерией, не было бы механизмов для переосмысления или исправления этих убеждений. Ну, ведь все исследования об этом говорят!

— А разве в истории нейробиологии, как и в других областях науки, не встречались случаи фальсификации данных? Например, в наверняка хорошо известных вам исследованиях болезни Альцгеймера? — возразил профессор.

— Да, ошибиться может каждый! Но наука все равно приходит к истине!

— Ой, — внезапно воскликнул Белозеров, остановился и указал пальцем на ноги Грачева. — Кажется, у вас шнурок развязался.

— Ваша правда, — удивлено присвистнул Грачев, взглянув на свою обувь. — Благодарю вас!

— Видите, как бывает, — снисходительно улыбнулся Белозеров. — Если бы я не заметил, что у вас развязался шнурок, вы и дальше бы себе шагали, наслаждаясь прогулкой по вечерней Москве. И не подозревали бы, что идете в обуви с развязанным, а не завязанным

шнурком. А если бы я не указал вам на данный факт, то мы, шагая рука об руку, существовали бы одновременно в двух разных восприятиях мира. В вашем восприятии шнурок завязан, а в моем — развязан. Допустим, позднее мы рассказали бы об этом своим знакомым. И тем самым уже породили бы две массовые истерии. Ваша половина человечества была бы уверена в том, что шнурок был завязан, а моя — что развязан.

— Ну, это уж вы хватили, — улыбнулся в ответ Грачев и наклонился, чтобы завязать шнурок. — Я тут подумал, Аркадий Владимирович, а идея-то любопытная. Почему бы не сформулировать ее как теорию шнурка?

Завязав шнурок, Грачев выпрямился и недоумевающее завертел головой по сторонам. Профессора Белозеров рядом с ним не было. Он исчез, как в воздухе растворился!

— Профессор, вы где? — ахнул Грачев. С обескураженным видом, он снова огляделся по сторонам. Нет, среди прохожих не угадывалась невысокая, плотная фигура Белозерова. В силу своего возраста и солидной комплекции тот вряд ли сумел бы далеко убежать за ту минуту с небольшим, что ушла у Грачева на завязывание шнурка. Ошеломленный взгляд Грачева равнодушно скользнул по удаляющемуся на большой скорости минивэну черного цвета. Фургон не заинтересовал Грачева, а зря. Будь он внимательнее, то заметил бы, что окна фургона тонированы до непроницаемости, и госномера у него нет.

Между тем фургон уносил профессора Белозерова в пугающую неизвестность. Он с неприкрытой злостью смотрел на двоих крепких парней, затянутых в черную униформу военного покроя. Лица их скрывали черные балаклавы, в руках у каждого был автомат. Минуту ранее они выскочили из притормозившего у тротуара фургона, как черт из табакерки, непозволительно грубо схватили его и профессионально затолкали в машину. Он даже пикнуть не успел.

— Черт возьми, кто вы такие? И куда меня везете? — хмуро спросил Белозеров, сверкая гневными глазами.

Ему не ответили. Профессор не знал, что генералу Шахову минутой раньше доложили: «Эксперт №1 взят, доставляем на борт».

У всех на виду

Город Орел

Защитные сооружения гражданской обороны имеются в каждом городе России. Они массово возводились еще в советские времена. Такие сооружения расположены в основном в подвальных помещениях. Они предназначены, прежде всего, для временного укрытия населения в случае войны. Каждый такой объект имеет свой паспорт, он сооружен в соответствии со строгими требованиями государственных стандартов. В 1990-е годы защитные сооружения времена утратили свое значение, и их начали распродавать. Однако в 2020-е годы в стране затеяли масштабную ревизию. Утерянные по статусу сооружения начали возвращать государству. В том числе по суду, потому что далеко не каждый хотел возвращать то, что стало его частной собственностью. Пусть и не совсем честно. Финансовые средства на восстановление таких объектов, значение которых в непростое военное время невозможно переоценить, начали закладывать в местные бюджеты. Глобальная политика сама собой напомнила чиновникам о том, что защищать надо не только себя любимых, но и свой народ, простых мирных граждан.

Дмитрий Ветров находился в одном из таких подземных сооружений. Это было не обычное гражданское защитное сооружение, а ведомственный бункер. Базируется он в историческом центре города Орла. О его существовании знает лишь узкий круг ответственных лиц. Формально бункер находится в ведении УМВД, но присматривает за ним и МЧС. Этот объект тоже был забыт на некоторое время в 1990-е, но уже в 2000-е годы его восстановили. С тех пор его поддерживали в технически работоспособном состоянии. До последнего времени никто активно им не пользовался, так как в этом просто не было нужды.

Бункер расположен неподалеку от здания регионального УМВД. Он находится у всех на виду, хотя мало кто об этом догадывается. Объект замаскирован под обыкновенный частный жилой дом. Только в нем никто постоянно не проживает. Постоянное проживание имитируют специальные сотрудники. Ежедневно мимо этого дома проходят тысячи людей. Здание стоит на оживленной улице, за высоким, почти трехметровым глухим металлическим забором. Заглянуть во двор можно, только если подтянуться на заборе руками. Но и в этом случае чрезмерно любопытный прохожий ничего необычного не увидит. Перед ним предстанет самый обычный двор частного домовладения. Только самый дотошный и внимательный наблюдатель заметил бы, что окна не имеют штор. Они очень плотно прикрыты изнутри металлическими жалюзи, которые не открываются ни днем, ни ночью. Разглядеть через них то, что происходит внутри дома, невозможно. Разве что только в темноте вечера из-под жалюзи изредка выбивается узенькая полоска света, свидетельствующая о том, что в доме кто-то есть. Однако получить даже такую минимальную информацию случайный прохожий вряд ли сможет. Стоит ему только подтянуться на руках на заборе, как рядом, словно из ниоткуда, возникнет бдительный сотрудник полиции. И строгим голосом спросит, что за интерес у гражданина возник к чужой частной собственности. Потребуется для проверки документы. Впрочем, таинственным домом случайные прохожие если и интересуются, то крайне редко.

Под ним расположены подземные помещения, превосходящие по размерам наружное домовладение в несколько раз. Войти в бункер можно тремя путями. Один ведет непосредственно из дома. Еще два входа — это подземные туннели. Один из них тянется к бункеру из здания УМВД, а второй — из здания областной администрации. При необходимости высшие руководители региона могут оперативно перебраться из здания на площади Ленина, в которой они постоянно работают, в бункер, где для них оснащены рабочие кабинеты и комнаты отдыха. Имеются необходимые запасы пропитания, лекарственных средств и медицинских изделий,

одежды источников питания и т. д. Сюда же подведена спецсвязь, потоволоконный интернет. Позвонить по защищенным каналам можно даже в Кремль. Обычная сотовая связь в бункере не работает — он экранирован.

Здесь и разместили Дмитрия Ветрова, в том числе из-за экранированной защиты помещений. Ветров еще не прошел полноценного обследования. Поэтому о механизме, с помощью которого некто управлял его действиями на расстоянии, пока ничего не было известно. Майор Соболева строила разные предположения, которые озвучила генералам Шахову и Емельянову. Она предполагала, что в организм Ветрова могло быть внедрено некое устройство, какой-нибудь чип. Следовательно, работать такой чип мог по внешним сигналам. Найденный в кармане Ветрова предмет, похожий на лазерную указку, как раз проходил лабораторное исследование в Москве. Возможно, это и был тот самый чип. Но у Ветрова мог быть и другой чип, вживленный, например, в его организм. Соболева предусмотрела такую возможность и справедливо опасалась, что Ветрова могут попытаться снова устранить, как это случилось с ним на мосту. Экранированная защита бункера теоретически гарантировала, что связь с чипом будет утеряна. Значит, Ветров уйдет от внешнего управления и останется жив.

Необычный пациент лежал на современной больничной койке внутри бункера. По настоянию майора Соболевой начальник УМВД Хомутов сделал так, чтобы одну из комнат в считанные часы превратили в палату интенсивной терапии. Предполагалось, что полное обследование Ветрова будет проводиться прямо здесь, в бункере. Но с громоздкими аппаратами возникла проблема. Лишь минимально необходимое оборудование перевезли сюда из областной больницы. Работы проводились ранним утром, вели их оперативники, одетые в штатское, которым помогали несколько работников больницы. Оставлять Ветрова в самой больнице было опасно. Для следствия он представлял собой огромную ценность. Ведь он являлся единственным выжившим в результате событий типа «К». По крайней мере, единственным, о ком знали в ГРУ.

После первого опроса в стенах УМВД, когда Ветров внезапно потерял сознание, его срочно доставили в областную клиническую больницу. Там он часов пробыл в реанимации. Этого времени хватило для оснащения мини-больницы в бункере, после чего Ветрова, чье состояние стабилизировалось, туда и перевезли. Хомутову удалось обеспечить необходимую степень секретности. Об истинной цели операции знали всего несколько человек. Главврач областной больницы Арсен Джанибеков отрядил одного из врачей, Гавриловского, и медсестру. Они должны были постоянно находиться возле пациента. В бункере им отвели места для работы и отдыха. Они предупредили свои семьи о том, что отбывают в командировку. Перебралась в бункер и майор Соболева. Впрочем, ее и ее троих подчиненных с комфортом разместили в доме, который стоял над бункером. Соболева поднималась в дом, чтобы поспать или переодеться. Багажа у нее не было, но необходимую смену одежды удалось быстро приобрести в местных магазинах. Основное рабочее место ей оборудовали прямо в подземной палате Ветрова. Для нее и доктора Гавриловского в противоположных углах палаты установили по столу. Им выделили по ноутбуку, которые были подключены к интернету по оптоволоконной сети.

Соболева очень беспокоилась за состояние здоровья Ветрова. Это было беспокойство, по сути, следователя, у которого в руках имела всего одна ниточка, всего одна зацепка к раскрытию тайны. Потерять ее было нельзя. Но Соболева понимала, что зависит все далеко не только от нее самой. Она-то сделала все, что могла. Теперь очередь за медиками и самим Ветровым — справится ли его организм с тем колоссальным стрессом, который ему пришлось испытать? Думала Соболева и о том, защитят ли Ветрова экранированные стены и потолок бункера?

Ветрова еще в больнице временно ввели в медикаментозную кому. Соболева надеялась, что это тоже поможет вывести Ветрова из-под внешнего управления. Она постоянно консуль-

тировалась с врачом, невысоким, вечно хмурым, рыжеволосым мужчиной лет сорока. Гавриловский не давал никакой гарантии того, что Ветров придет в себя и будет прежним. Что он сможет ясно давать показания. О происходящем врач был осведомлен не в полной мере. Ему сказали, что он отвечает за жизнь и здоровье важного свидетеля по уголовному делу, которого приходится прятать от криминала по программе защиты свидетелей. Врач эту версию безмолвно проглотил, сделав вид, что поверил. Подписав необходимые документы о неразглашении, он согласился на работу, за которую ему обещали тройной оклад и щедрую премию. Деньги ему бы не помешали, а держать язык за зубами он умел. Врач сам подобрал себе в помощницу опытную медсестру, умевшую хранить чужие тайны не хуже него самого.

— Товарищ генерал, разрешите доложить, — рапортовала майор Соболева, когда вышла на видеосвязь по закодированному каналу. Перед ней на экране ожил генерал Емельянов. Соболева невольно отметила про себя, как осунулся этот человек, как обострились черты его лица. Такое бывает с теми, кто мало есть и мало спит.

— Разрешаю, — кивнул Емельянов.

— Для Ветрова обустроили палату интенсивной терапии. Он без сознания. Врач говорит, что уже можно выводить его из медикаментозной комы. Но существует риск повреждения клеток головного мозга. Никто не дает гарантии, что Ветров вернется к нам тем же человеком, которым был до потери сознания. Он пережил мощный стресс и кислородное голодание. Но это наш единственный шанс. Товарищ генерал, разрешите вывести Ветрова из комы.

— Не разрешаю, — внезапно отрезал Емельянов, и Соболева от этих слов вздрогнула. Ей не терпелось приступить к новой беседе с Ветровым. Выяснить все детали его общения с Голосом. Но Емельянов контролировал практически каждый ее шаг. Она не решилась сама отдать приказ о выводе особо важного пациента из комы. Соболева даже немного обиделась. Минуту назад она ощущала себя Шерлоком Холмсом, но генерал Емельянов сейчас ясно дал ей понять, что она, в лучшем случае, доктор Ватсон.

— Пациент пусть пока отдыхает, ждем, — пояснил Емельянов.

— Мы ждем чего? Или кого? — с излишней долей язвительности поинтересовалась Соболева.

— Мы ждем, когда в полном составе будет собрана экспертная группа. Генерал Шахов этим уже занимается. С Ветровым будете работать не только вы, но и признанные специалисты в разных областях. Оставайтесь в Орле, будьте на связи круглосуточно. Позаботьтесь о том, чтобы постоянно поддерживалась четкая видеосвязь. С экспертами вам придется работать в режиме видеоконференцсвязи.

— Так точно, поняла, телемедицина, — кивнула Соболева.

— Покажите мне пациента, — приказал Емельянов.

Соболева взяла ноутбук в руки и перевела камеру на Ветрова, который безмятежно лежал на койке. Рядом с койкой стояла сложная медицинская аппаратура и капельница, трубка которой тянулась к руке пациента. Его изодранные в подвале УМВД запястья были аккуратно забинтованы. На его груди и голове виднелись датчики, которые передавали информацию о состоянии человека в режиме реального времени на аппаратуру. Компьютерный мозг преобразовывал ее в сигналы и выводил на дисплей. Палату наполнял тихий, размеренный писк аппаратуры, Соболева уже успела к нему привыкнуть.

— Так, понятно, — протянул Емельянов и, немного помолчав, добавил. — Майор Соболева, ваша задача — выяснить до мельчайших подробностей, что именно произошло с этим человеком. Нам надо точно знать, как им управляли и, главное, кто.

— Так точно!

Подумав, Емельянов добавил:

— Лена, не подкачайте. Возможно, от вас зависит судьба всего нашего государства.

Мобилизация началась

Московская область

Операция, разработанная лично генералом Шаховым, носила кодовое название «Мозговой штурм». В архивы ГРУ она позднее войдет как «административное мероприятие по привлечению гражданских специалистов к работе в рамках государственных интересов». На деле это была тщательно спланированная серия «приглашений-похищений», от которых никто не мог отказаться.

Шахов сидел в своем кабинете на «Объекте №17» и смотрел на мониторы. В режиме реального времени он следил за ходом операции. Пять групп захвата, сотрудники спецподразделения «Гром», действовали точно. Объекты были выбраны заранее. Разгадать феномен событий типа «К» могли только опытные специалисты. Никто не знал, к какой области исследований относятся события типа «К». Поэтому генерал Емельянов приказал собрать междисциплинарную команду экспертов и вовлечь их в расследование государственной важности. Времени оставалось в обрез, а ученые — народ капризный. Поэтому разрешалось использовать жесткие методы. Ответственным за сбор и работу группы экспертов Емельянов назначил Шахова.

По его приказу последнего аналитики проекта «Аркаим» стремительно составили список кандидатов в междисциплинарную группу. Оставалось только доставить их на «Объект №17». Бойцы «Грома», поднятые по тревоге, незамедлительно приступили к выполнению приказа. Переданные им данные об «объектах похищения», об их местоположении и передвижении были почти идеально точны. «Аркаим» просчитал время, маршруты и вероятность сопротивления каждого из кандидатов. Вероятность общего успеха операции суперкомпьютер оценил в 97,3 процента.

— Начали, — громко скомандовал Шахов в микрофон, после чего прямо на улице был «взят» профессор Белозеров. Он стал первым из тех, для кого мир перестал быть прежним. Операция прошла настолько молниеносно и ювелирно, что похищения не заметил даже Грачев, находившийся в тот момент рядом с профессором. Для него исчезновение спутника так и осталось тайной. Позднее, поразмыслив, Грачев пришел к выводу, что профессор на него за что-то обиделся. И сбежал, воспользовавшись заминкой со шнурком. Ни коллеги, ни родственники таинственно пропавшего профессора не стали поднимать шумиху. Белозеров славился своим взрывным характером и непредсказуемостью. Знавшие его люди сочли исчезновение его очередной «безумной» выходкой. Рано или поздно он сам объявится, так рассуждали они.

Следующей целью бойцов «Грома» стала Алина Терехова, 41-летняя доктор наук, эксперт в области клинической психологии. Она считала себя последовательницей и даже ученицей Элизабет Лофтус, знаменитого американского когнитивного психолога, специалиста по изучению памяти. В свое время Лофтус активно изучала эффект дезинформации, получивший название «misinformation effect». Лофтус сумела доказать, что информация, полученная после события, может изменить память о самом событии.

Алина Терехова специализировалась на изучении эффекта ложных воспоминаний. Эту методику также разработала Лофтус. Теория была подтверждена практическими экспериментами. Например, в ходе одного из них Лофтус предлагала участникам исследования угадать, какая из рассказанных им историй является правдой. В ходе эксперимента участникам рассказывали три правдивые истории и одну выдуманную. Фантазийной являлась история о том, как человек потерялся в торговом центре. Эксперимент показал, что четверть участников не просто «вспомнили», как в детстве потерялись в торговом центре, но и добавили к выдуман-

ной истории новые детали, эмоции и переживания. На самом деле ничего подобного с ними не происходило. Люди поверили в то, что это реальная история из их детства. А память, в которой не могли храниться такие воспоминания, подсунула им то, что Лофтус назвала ложными воспоминаниями. Ее методику назвали в честь эксперимента — «lost in the mall technique», то есть «потерялся в торговом центре».

Доктор Терехова пыталась развить теорию Лофтус и доказать, что память человека — это не бездушный архив воспоминаний, а активный процесс реконструкции. Что воспоминания человека зачастую формируются из обрывков разных воспоминаний. А текущее эмоциональное состояние способно превращать домыслы в ложные воспоминания. Теория Тереховой заключалась в том, что человек на самом деле не вспоминает свое прошлое. Он раз за разом его переписывает, подгоняя под свои текущие эмоции, убеждения и ожидания. Вот почему воспоминания об одних и тех же событиях с годами могут обрастать новыми деталями. Человек думает, что вспомнил какие-то детали, а на самом деле выдумал их.

Алина пошла дальше Элизабет Лофтус, еще в 1970-х годах внушавшей людям ложные воспоминания о потерявшихся в торговом центре. Терехова работала на практике с жертвами преступлений и свидетелями терактов, очень помогая следователям. Она была своего рода психологом-криминалистом. Ее специализацией являлись «очевидцы» событий, которые, возможно, никогда не происходили в реальности. Выводы Тереховой нередко помогали следователям отсеивать выдумку от реальности. И это позволяло не тратить время зря, идя по ложному следу, а оперативно выходить на след настоящего преступника.

Терехову «взяли» по месту жительства. Жила она в Подмоскowie, в поселке Новые Горки. Ее соседи — в основном ученые. Поселок еще в советское время строили специально для них. Дом Тереховой был относительно старым, но ухоженным. Он достался ее мужу, доценту МГУ, по наследству от его отца, видного советского исследователя-полярника. Это был большой, деревянный двухэтажный дом, с собственной крупной библиотекой и яблоневым садом.

В то утро Терехову охватило тревожное предчувствие. Она проснулась за пять минут до звонка будильника. Ее старая привычка, выработанная годами. Терехова жила в режиме «нон-стоп». Поэтому она не любила резко вырываться из сновидений. Ей нравилось полежать с закрытыми глазами хотя бы несколько минут до сигнала будильника. И она привыкла просыпаться ровно за пять минут до сигнала. Когда будильник выполнял свой долг, она уже отходила от сна. Ей нравилась эта традиционная пятиминутка. Единственный отрезок спокойной жизни перед началом очередного, суетливого рабочего дня.

Алина прислушалась к звукам за окном — там переливались трелями птицы. С кухни донесся звук — это ее муж Андрей гремел чашками и готовил завтрак для всей семьи. Алина вздохнула — пора было идти будить старшего сына Дениса и собирать его в школу. А затем будить младшую дочь Катю и собирать ее в детский сад. В такие минуты она всегда чувствовала себя счастливой. Именно это счастье делало ее работу такой важной.

— Мам, ты встаешь? — Денис заглянул в комнату. Ему четырнадцать, но он уже перерос ее на голову. И, как это бывает с подростками, стеснялся своего роста.

— О, ты уже встал? — удивилась Алина, приподнялась в кровати и с удовольствием потянулась, разгоняя последние остатки сна. — Встаю, встаю. Иди, умывайся и завтракать.

— Уже умылся. Папа готовит оладьи, — ответил сын, потянув носом.

— Ну, тогда я спокойна. Оладьи он готовить умеет.

Алина накинула на себя халат и пошла в ванную. Умылась, почистила зубы, вставила контактные линзы. Посмотрела в зеркало — тонкое, аристократическое лицо, темные волосы, немного неряшливо собранные в пучок, ни одного седого волоса. «Гены», — с удовольствием подумала она. Она пошла в мать, а ее мать в свои шестьдесят с небольшим лет выглядела максимум на сорок пять. Из кухни вкусно тянуло ароматом кофе и ванили. Когда она вошла, муж Андрей стоял у плиты и деловито переворачивал оладьи.

— Доброе утро, — сказал он, не оборачиваясь. — Какие планы?

— У меня конференция в десять. В институте, — Алина налила себе кофе, села за стол. — Придешь меня поддержать?

— Если получится. Так-то у меня лекция до двенадцати.

Они поболтали о житейских пустяках, шутливо осудили дочку Катю, которая накануне не выучила простенькое стихотворение — задание родителей. Семейную идиллию Терехова ценила больше всех научных степеней. В 7:15 утра семья в полном составе вышла из дома и на семейном автомобиле отправилась в город. Около 20:00 Алина, уставшая, вернулась домой. Ее подвез коллега. Муж и дети уже были дома. Алина переоделась в домашнее, умылась и собиралась ужинать, когда раздался звонок в дверь.

— Ты кого-то ждешь? — удивился Андрей и пошел открывать. Алина услышала голос мужа и чей-то незнакомый мужской, вежливый, но очень настойчивый голос. Послышались шаги по паркету, в кухню вошли муж и еще двое. Мужчины в темной, будто военной форме, в черных балаклавах. В руках оружие. Ого, кто это — спецназ? Сердце у Алины екнуло. Она подумала: как хорошо, что дети сидят в своих комнатах и не видят этого. Такие люди могли бы их напугать.

Взгляды гостей — сквозь прорези в балаклавах — внимательные и уверенные, со стальным отливом. И тут Алина поняла: это же свои. Должно быть, следовательно срочно понадобилась ее помощь. Бывало же, что ее и по ночам поднимали.

— Доктор Терехова? — спросил тот гость, что был немного повыше своего спутника.

— Да, — ответила Алина, не вставая с табурета. — Кто вы и по какому вопросу?

— Одевайтесь, поедете с нами.

— Куда?

— Это секретная информация, вопрос государственной безопасности.

Стоявший со сложенными на груди руками в дверях кухни Андрей вопросительно взглянул на супругу. Он к такому привык, но знал, что решение всегда остается за его женой. И был готов, в случае необходимости, за нее заступиться.

— Пап, кто это? — изумленно и испуганно спросила юная Катя, решившая забежать на кухню, за печеньем.

— Все в порядке, дочка, — Алина встала, подошла к дочери и обняла ее. — Это по работе.

— Ты опять уедешь в командировку? — капризно поинтересовалась девочка. Ее всегда расстраивало долгое отсутствие мамы, самого близкого, любимого и заботливого для нее человека.

— Я должна ехать, дочка. Это моя работа.

— Тогда бросай свою работу, — капризно заныла дочка.

— Не могу, золотце, моя работа нужна людям.

Катя обиженно фыркнула, развернулась и убежала к себе в комнату. Один из бойцов «Грома» протянул Алине тонкую папку синего цвета. Алина открыла ее и едва не присвистнула от удивления. Внутри лежало предписание с гербовой печатью, подписанное министром обороны, а также выписка из закона «О мобилизационной подготовке». Она не верила своим глазам — ее официально мобилизовали! Алина поняла, что это тот случай, когда никто не будет спрашивать ее согласия. Когда ее не попросят помочь, а потребуют приложить все силы для помощи государству. Когда ее уволют из дома силой, если потребуется. Когда ее накажут за сопротивление, неподчинение и неповиновение. Только кому именно? Представителям власти? Военным? Видимо, ситуация и вправду очень серьезная. Алина кивнула, вернула папку бойцу и отправилась к себе в комнату, собираться. На сборы ей отвели десять минут, но она управилась чуть быстрее.

— Вы ничего не объясните? — спросила она, когда вышла во двор. Там ее поджидал черный, полностью тонированный фургон. Рядом стояли двое бойцов.

— Объяснения будут на месте, — сухо ответил один из них. Алина поочередно обняла и поцеловала мужа, сына и дочку, которые вышли из дома, чтобы ее проводить.

— Это просто работа, не волнуйтесь, — произнесла она на прощание, стараясь не выдавать своего волнения и тем самым не волновать семью.

— А надолго вы забираете мою супругу? — поинтересовался Андрей у бойцов.

— Не могу знать, — ответил один из них.

Также не зная, что ее ожидает, Алина оделась по-походному — надела джинсы, свитер и кроссовки. Сунула в карман диктофон — старенький, еще кассетный, марки «Sony». Она очень им дорожила, поскольку это был подарок Элизабет Лофтус. Они встречались, когда Терехова в молодости стажировалась в Калифорнийском университете. Лофтус читала там лекции. Алина подошла к ней после занятия, набралась смелости. Они быстро нашли общий язык. Теперь диктофон служил не только напоминанием о той встрече, но и был ее тайным талисманом на удачу.

— Я готова, — сказала она и храбро нырнула в раскрытую дверь фургона.

— Диктофон, пожалуйста, и телефон, — потребовал один из бойцов, когда Терехова устроилась на мягком сиденье. — Если есть другие гаджеты, тоже сдайте.

Требование ее удивило.

— Но это мой рабочий инструмент. Я без него не работаю.

— Диктофон вам вернут, когда прибудете на место, как и все остальное.

Алина вздохнула, понимая, что выбора у нее нет. Достала диктофон и протянула его бойцу. Затем сдала смартфон и «умные часы». Все это боец убрал в специальный контейнер. Алина с интересом за ним наблюдала, не говоря ни слова. Микроавтобус тронулся. «Шикарно, — подумала Терехова. — Похоже, меня похищают». Она закрыла глаза и начала машинально запоминать маршрут, на всякий случай: право-лево-право-лево, долгая остановка, вероятно, светофор. Потом резкое ускорение, вероятно, фургон выехал на скоростное шоссе.

«Куда мы едем? В Москву? В аэропорт?», — лихорадочно думала Терехова.

Вопросов у нее накопилось больше, чем ответов. Терехова внезапно ощутила удивительное спокойствие и расслабилась. Она знала: происходит что-то экстраординарное. Но знала и то, что паника — плохой друг и советчик. А вот научное любопытство для нее друг отличный. Поэтому она расслабилась и стала гадать, что за приключения ожидают ее и позволят ли ей когда-нибудь о них рассказать. Может, ей даже разрешат написать об этом книгу?

В поисках «Атлантиды»

Город Санкт-Петербург

Казино в Россию пришли вместе с демократией на рубеже 1990-х годов. Это было одно из тех социальных явлений, присущих Западу, которые в СССР официальной пропагандой осуждались и высмеивались. В 1980-е годы популярным был анекдот о туристе из США, который приехал в Ленинград и справился у патрульного милиционера, где находится ближайшее казино. «В Стокгольме», — невозмутимо ответил страж закона. И был прав, поскольку игровой бизнес, за исключением государственных лотерей, в Советском Союзе существовал только на нелегальной основе. Органы боролись с подпольными картежными играми, но одолеть эту систему им не удалось.

Первое казино в нашем современном понимании появилось в 1638 году в Италии. Оно открылось в Венеции и называлось Ridotto. Исторические источники говорят, что заведение располагалось в левом крыле церкви Святого Моисея. Причем организовали его сами власти. Они хотели взять под свой контроль азартные игры, традиционно устраивавшиеся во время полугодового венецианского карнавала. Власть имущие смекнули, что огромный поток денег перетекает из карманов одних игроков в карманы других игроков, а они с этого ничего не имеют. Свой процент прибирали к рукам устроители, а также многочисленные мошенники и ловкачи, которых во все времена и везде хватало. И только казна не получала ничего.

Открытие казино фактически под эгидой государства позволило пополнить казну за счет ставок игроков. Формально играть могли все желающие. Однако в реальности Ridotto посещали только состоятельные люди. Ставки там были настолько высоки, что бедняку нечего было делать в таком заведении. Развлечение, устроенное государством, нравилось богачам. Как и в наше время, они не стремились к публичности. Они предпочитали, чтобы об их тайных страстях широкое общество ничего не знало. Поэтому богачи частенько приходили в казино в масках, чтобы скрыть свое лицо. А чтобы их случайно не перепутали в самом казино, они носили особые треугольные шляпы, это был символ игрока. Ridotto продержалось до 1774 года, когда его закрыли под давлением церкви и сторонников строгой морали. Азартные игры объявили вне закона. Хотя спустя годы их вновь легализовали.

С тех пор словом *ridotto* в Европе начали обозначать небольшие частные комнаты, где проводились подпольные азартные игры. Первое легальное казино датировано XVII веком. Но люди, конечно, собирались в специальных местах для игр и за много столетий до него. В настольные азартные игры играли в Древнем Египте и Месопотамии. Они пользовались популярностью у шумеров, одной из древнейших цивилизаций Земли. В Китае историки нашли свидетельства об азартных играх, которые устраивались более четырех тысяч лет назад. Именно в Китае несколько тысячелетий назад появились первые игральные карты. В знаменитом римском Колизее посетители делали ставки на тотализаторе и играли в кости. Азартные игры считались неотъемлемой частью массовых зрелищ. Даже у народов майя в Мезоамерике принимались ставки на исходы ритуальных игр с мячом.

В 2026 году археологи из Университета штата Колорадо опубликовали исследование, переписавшее историю азартных игр. На нескольких стоянках в штатах Вайоминг, Колорадо и Нью-Мексико они отыскивали странные предметы. Позднее, после изучения в лабораторных условиях, таинственные артефакты идентифицировали в качестве игровых костей. Их возраст специалистов поразил, поскольку он варьировался от 12 200 до 12 800 лет. До этого открытия самые ранние игральные кости, возрастом около шести тысяч лет, находили только в Старом Свете. Европа считалась родиной подобных развлечений. Однако новые данные доказали,

что древние индейские племена целенаправленно изготавливали предметы для получения случайных комбинаций на тысячи лет раньше, чем в старушке Европе.

Древние «кубики», найденные на американском городище Фолс, заметно отличались от современных. Это были небольшие плоские или чуть закругленные фишки, изготовленные из костей животных, окрашенные с двух сторон в разные цвета и помеченные особыми знаками. Принцип игры напоминал подбрасывание монеты. Каждая фишка падала одной из двух сторон вверх. Побеждал тот, у кого «счетная» сторона выпадала чаще остальных.

В России в бурные 1990-е годы казино открывались повсеместно. Однако новое явление породило ранее невиданную в стране эпидемию лудомании, зависимости от игр. Лудоманы спускали в казино целые состояния. Из-за этого рушились семьи, гибли люди. Лудоманы напоминали алкоголиков и наркоманов, которые выносили из дома все, что только можно продать. Отличие заключалось в том, что алкоголикам нужна выпивка, наркоманам — доза, а лудоманам — игра. В 2000-е годы в стране объявили борьбу с зависимостью от игр. С 1 июля 2009 года в России начал действовать запрет на организацию казино за пределами специальных игорных зон. Авторы нового федерального закона среди прочих причин указывали на то, что азартные игры, особенно в неконтролируемых условиях, привлекают преступные элементы.

Специальные игорные зоны были официально созданы в Калининградской области, Приморском, Алтайском и Краснодарском краях. Запрет позволил государству ужесточить контроль над сферой игорного бизнеса. Но российские игорные зоны так и не превратились в полноценный аналог знаменитого Лас-Вегаса. А запрет дал толчок развитию сети нелегальных казино. В одно из них программиста-фрилансера Алексея Горелова привел Голос. Несмотря на вечерний час, Невский проспект был оживлен. Его наполняли туристы, влюбленные парочки и офисные работники, спешившие по домам после рабочего дня. Людские потоки текли по главной артерии города, как кровяные тельца по венам. Уличные фонари заливали тротуары желтоватым, чуть болезненным светом. Яркие вывески слепили глаза прохожих, сменяя друг друга в бесконечном до головокружения калейдоскопе. Кофейни, рестораны, сувенирные лавки, ювелирные магазины, ломбарды — где-то среди них притаилось нелегальное казино с романтическим названием «Атлантида».

О тайной жизни «Атлантиды» знали лишь посвященные горожане. Те, кто хотел играть и имел к этому средства. Те, кто умел молчать и соблюдал меры конспирации. Те, кто не проговорился бы о своей тайной страсти даже близким людям, родным и лучшим друзьям. Те, кто знал — если проболтаешься, тебя ждет суровое наказание. Организаторы подпольных игр и сами строго соблюдали конспирацию. В разных городах казино маскируют по-разному: где-то под аптеку, где-то под деловой офис, где-то под мастерскую по ремонту. Если бы случайный прохожий, любуясь красотами Невского проспекта, был более внимателен, то наверняка обратил бы внимание на ломбарды. Здесь их работало немало. Вывески с золотыми слитками и яркими названиями висели чуть ли не на каждом шагу. С виду обычные, ничем не примечательные заведения. Многие люди приносят в такие заведения «ненужные» вещи в обмен на быстротечные деньги. Мало кто знает, что за фасадом одного из ломбардов, в подвальном помещении старинного дома, скрывалось нечто иное.

Следуя указаниям Голоса, Горелов добрался до обшарпанной двери с вывеской «Старый ломбард». Алексей физически ощущал, как внутри него все трепещет от волнения. Он дрожал от предвкушения игры. Голос обещал сделать его богатым. Горелов все гадал, каким образом это произойдет. И главное — как долго ждать богатства? Ждать долго Горелов не хотел. Теперь же перед ним находился ломбард, в недрах которого, как уверял Голос, скрывалось казино. Горелов не спрашивал у Голоса, откуда тот знает о нелегальном игорном заведении. Да это ему было и неинтересно. Внутри у него все дрожало, одновременно от напряжения, страха и сладостного волнения. Но еще больше — от таинственности, от непонимания того, куда именно его завел Голос. Сам по себе термин «подпольное казино» предполагал крими-

нальную подоплеку. Горелов чтит законы и соблюдал их. Но он был из тех людей, кто втайне всегда мечтал закон хоть немножечко перейти.

Триста тысяч рублей, снятые с кредитной карты, лежали в кармане его легкой куртки. Он ощущал их тяжесть не только физически, но и метафорически. Казалось, деньги вот-вот прожгут его карман. Алексей все же сомневался — на пачку денег в кармане куртки он взирал как на синицу в руках. Этой суммы ему хватило бы, чтобы поправить пошатнувшиеся в последнее время дела. Он не был азартным человеком. В противном случае ему, высококлассному специалисту, не составило бы никакого труда найти в сети ресурсы с нелегальными виртуальными казино. Или покерный дом. Никто не помешал бы ему делать ставки там, в сети. Но Горелова не привлекал такой способ заработка. Он обладал математическим складом ума. И понимал, что в игре всегда остается огромнейшая доля случайности. А везение или фарт, как говорили игроки, никогда не являлись его сильными сторонами. Горелов даже в лотерею ни разу не выиграл, что уж говорить о рулетке или тотализаторе. Но Голос привел его в казино.

«Зачем мы сюда пришли?» — мысленно спросил он, хотя заранее знал, что Голос ему ответит — повинуйся и тебе воздастся. Горелов уже привык к Голосу и научился общаться с ним мысленно. Что было очень важно, нельзя привлекать к себе излишнее внимание окружающих. Бормочущий себе под нос молодой человек мог вызвать вполне обоснованные подозрения.

«Ты будешь играть, — бесстрастно ответил Голос. — Я обещал тебе награду в обмен на твое повиновение. Я даю ее тебе. Но ты должен сам ее взять».

«Я никогда не играл. Только в карты, на интерес, когда был студентом. Я не азартный человек, — возразил Горелов. — Я не умею играть в казино. А еще мне не везет, по жизни».

«Успокойся, возьми себя в руки, — приказал Голос, и Горелов ощутил, как его тут же охватило небывалое спокойствие. — Я вижу, что тебе интересно. Я знаю, что ты выиграешь. Я дам тебе награду. Казино — единственный способ быстро заработать».

«Я согласен, веди меня», — ответил Горелов и удивился теперь уже не только своему ледяному спокойствию. Он ощущал себя иным человеком. Он словно переродился. Голос открывал в нем все новые силы. Голос даровал ему огромнейшую уверенность в себе. Горелов внезапно осознал, что готов на все, на любой риск. На любой, даже самый безумный поступок, на который он не решился бы в своей обычной жизни. Оглядываясь на нее, на свою жизнь, которая стремительно уходила в прошлое, Горелов только усмехался. Он не хотел туда возвращаться. Он хотел перемен. И он чувствовал, что Голос станет его мудрым Учителем. Его Наставником, его Тренером, его Путеводным лучом. Горелов ощутил в себе такие силы, о существовании которых раньше не подозревал. Он готов был сворачивать горы на своем пути. И чувствовал, что это только начало. Начало его Великого пути.

«Войди в дверь», — приказал Голос.

Горелов повиновался. Но сначала тревожно огляделся по сторонам. На него, казалось, никто не обращал никакого внимания. Прохожие шли по своим делам. Транспортный поток на проезжей части двигался все медленнее, так как становился все гуще. Где-то тревожно прогудел клаксон. Издалека донесся отголосок сирен, к кому-то на вызов спешила «скорая». Шум улицы плавно втекал в уши Горелова. Он решился, глубоко вдохнул и легонько толкнул обшарпанную дверь, вошел внутрь. Над его головой звякнул колокольчик. На него дыхнуло стариной и сыростью. В ломбарде пахло пылью, старыми вещами и дезинфекцией. Привыкая к тусклому освещению, Горелов огляделся. Ломбард размещался на площади, которую когда-то занимали три большие комнаты. Стены между ними снесли, и теперь ломбард занимал одно большое помещение. Оно было разбито на два сектора. По правую от себя сторону Горелов увидел длинный прилавок с яркой подсветкой, установленный в форме буквы «Г». Под стеклом лежали самые разнообразные товары — старинные украшения, кольца, серьги, броши, цепочки, из

золота и серебра, украшенные драгоценными, искрящимися на ярком свете камнями и без них, монеты, потертые от времени, часы, которых не производят уже лет сто или больше.

По левую сторону от Горелова лежал большой торговый зал, заполненный в основном антикварной мебелью. На стенах висели старинные картины, зеркала и часы, гобелены. В старинных шкафах стояли старинные книги. Все дышало стариной. Горелов подумал, что больше нигде на свете не встретишь такой особой атмосферы. Она чем-то напоминала атмосферу музея или солидной многовековой библиотеки, которая как бы придавливает посетителя, заставляет его шептать, а не говорить во весь голос.

Все эти вещи ежедневно сюда приносили горожане. Многие из них пытались перехватить небольшую сумму денег до зарплаты. Кто-то приносил вещи, доставшиеся в наследство или ставшие не нужными. Иные приносили краденное. Скупщик, невысокий человек лет шестидесяти, абсолютно седой и абсолютно невозмутимый, работал тут последние тридцать лет. Он много повидал, многих и многое знал. Он не спрашивал лишнего и сам лишнего не говорил. Скупщик, он же владелец ломбарда, стоял за прилавком. Перед ним на стекле лежали старинные карманные часы. Корпус их был вскрыт. Скупщик наклонился над ними и внимательно разглядывал часовой механизм через старинный же монокуляр.

«Это хозяин ломбарда, — подсказал Голос. — Подойди к нему и скажи, что тебе надо в туалет. Для него это кодовая фраза. Он укажет тебе путь».

«Хорошо», — отозвался мысленно Горелов. Он приблизился к прилавку и поздоровался. — Мне надо в туалет, — сказал программист.

Скупщик оторвался от часов, меланхолично взглянул на молодого посетителя. Окинул его оценивающим взглядом и, наконец, неторопливо указал рукой на проход, уходивший вглубь помещения между прилавком и торговым залом.

— Пожалуйста, проходите сюда, — вежливо ответил скупщик и мгновенно утратил интерес к посетителю, вернувшись к изучению часов. Горелов смущенно поблагодарил скупщика и направил свои стопы в темный проход. Он оказался в коридоре и прошел по нему метров семь в полной темноте, пока не уперся в тяжелую дверь. На ней висел знак, обозначающий туалет.

«Это маскировка, — раздался Голос. — Постучи в дверь — три раза медленно, три раза быстро и снова три раза медленно».

Горелов постучал. Тотчас за дверью раздался шум, щелкнул замок и послушался тяжелый звук — кто-то с усилием открывал металлический засов. Дверь приоткрылась, в возникшей щели появился высокий, плотно сложенный человек. У Горелова, взглянувшего в лицо охранника не без трепета и уважения, он вызвал ассоциации с боксером. Очень короткая стрижка, близко посаженные глаза, сломанный нос.

«Скажи охраннику пароль — Атлантида», — механически произнес Голос.

Услышав пароль, охранник отступил в сторону и широко распахнул перед посетителем дверь. Горелов вошел, на миг в нерешительности остановился. Вниз вела крутая каменная лестница. Он спустился по ней, услышав, как охранник за его спиной запирает дверь на массивный засов. У Горелова мелькнула мысль, что в казино, должно быть, имеется запасной выход. Через него успеют сбежать посетители, пока ОМОН будет взламывать почти неприступную «дверь в туалет». Это придало ему уверенности. В случае облавы, он сумеет уйти. Внизу Горелова поджидала еще одна дверь, не менее массивная, чем первая. Но в отличие от предыдущей двери, в этой имелось закрытое окошко. Горелов постучал, выбив тот же условный стук, что и в первый раз. Окошко тут же распахнулось. Из него на Горелова взглянул, казалось, близнец первого охранника.

«Скажи, что ты от Зоси», — велел Голос и Горелов повиновался. Ему начала нравиться эта игра в тайну. Замок в двери щелкнул, снова послышался звук тяжело открываемого металлического засова. Последний редут обороны пал, и Горелов смело шагнул в святая святых. Оглядевшись беглым взглядом представшее перед ним зрелище, он восторженно охнул.

— О, да это же рай!..

Мобилизация продолжается

Троицк — Москва

В тот же час в городе Троицке Виктор Громов сидел на веранде своего частного дома и с удовольствием пил крепкий черный чай из старого граненного стакана в подстаканнике. Этот стакан он когда-то по рассеянности прихватил с собой из поезда. Да так и оставил себе. Перед ним на столе лежал блокнот, в руке порхала шариковая ручка. Блокнотный лист был исписан мелким почерком — это были формулы, индексы, интегралы. Математику Громов любил. Он увлекался расчетами, и в качестве черновика использовал только блокнот. Он считал, что рукописный текст заставляет работать те участки мозга, которые дремлют при работе на компьютере. А это помогает мыслить объемнее.

Громов был физиком-теоретиком. К своим 55 годам он многого добился в науке. Не добился только высоких званий и руководящих постов. Это не помешало ему поработать несколько лет в Европейском центре ядерных исследований CERN. Громов обосновался в его главном кампусе, который находится недалеко от Женевы, на границе Швейцарии и Франции. Он отлично ладил с генеральным директором центра Фабиолой Джанотти, итальянским ядерным физиком, которая стала первой в истории женщиной на этом посту. В 2022 году, когда геополитическая обстановка в Европе осложнилась, Громов вынужденно вернулся на родину. Устроился на работу в Институт лазерных и плазменных технологий МИФИ. Занимался исследованиями, а свободное время преподавал студентам теоретическую физику и математическое моделирование.

Жил он на своей даче в Троицке, купленной по случаю еще в 1990-е, когда он только начинал свою научную карьеру. Дача скромная — небольшой кирпичный дом с печным отоплением, верандой и фруктовым садом. Под окнами разбиты теплицы. Громов любил повозиться в земле, это его расслабляло. С полчаса назад он закончил поливать грядки, и теперь погрузился в расчеты. Одет он был по-простому: старые брюки, свитер с оленями, который ему много лет назад подарила жена. Громов очень любил и ценил этот свитер. Он напоминал ему о жене, которая отказалась возвращаться в России и осталась в Швейцарии, ушла от него к его же коллеге, зарубежному. Она оставила Громова одного. Детьми они не обзавелись, близких родственников у физика не было. Он не винил жену и ни в чем ее не упрекал, а после развода с головой погрузился в науку.

Свитер был дырявым и застиранным, но теплым и уютным и почему-то навевал физику воспоминания о деревенском детстве. Внешний вид вообще мало волновал Громова. Об этом говорила даже его борода — густая, с сединой, нечесаная. Она придавала ему вид библейского пророка. Тем более что Громов выглядел старше своих 55 лет. Возможно, сказались годы научной опалы, годы забвения и годы, когда его теории называли «лженаукой», а его самого — «фриком». Они оставили на его лице паутину морщин и породили в его глазах неизбывную тоску.

Много лет Громов работал над теорией квантовой запутанности сознания. Его гипотеза считалась безумной даже по меркам современной физики. Он предполагал, что мозг — это не просто нейронная сеть, а этаким органический квантовый компьютер, способный вступать в запутанные состояния с мозгом других людей. Причем даже на большом расстоянии. Коллеги много лет посмеивались над ним. Редакции рецензируемых научных журналов возвращали ему статьи с пометкой «Отказано». Его не раз увольняли из научных организаций «по сокращению штатов». На самом деле его выгоняли за слишком громкие высказывания о природе реальности. Ведь они могли бросить тень на учреждения, в которых трудился чудаковатый теоретик.

Лет пять назад все изменилось, когда его гипотеза начала находить экспериментальные подтверждения. Тогда-то его и пригласили в Швейцарию, для участия в международных экспериментах. Увы, сотрудничество пришлось прервать из-за геополитики.

— Да и плевать мне на это, — пробормотал Громов, внезапно вспомнив этот эпизод своей биографии, и вновь углубился в расчеты. — Мир поймет меня, когда будет готов.

Внезапно скрипнула калитка. Громов удивленно поднял голову — кого нелегкая принесла, на ночь глядя? А привела она двоих бойцов «Грома», которые быстрыми уверенными шагами двигались в его сторону. У каждого из них в экипировку входила миниатюрная видеокамера. Не сразу заметишь такой гаджет, крепившийся на шлеме. При помощи этих камер генерал Шахов в далекой от Троицка Якутии в прямом эфире наблюдал за происходящим.

— Виктор Сергеевич Громов? — справился один из бойцов.

— Допустим, — ответил Громов, не вставая, и приветливо взмахнул стаканом с чаем. — С кем имею честь?

— Вам нужно проехать с нами.

— Допустим. Но позвольте поинтересоваться: куда и зачем?

— Не могу сказать.

— Допустим, я откажусь?

Бойцы переглянулись. Тот, что был пониже, сделал шаг вперед, но второй боец остановил его рукой.

— Виктор Сергеевич, у нас приказ. Государство мобилизует вас на службу.

— Меня? — неподдельно удивился Громов. — Допустим, но разве я не староват для войны? И в армии я не служил.

— Ваши теории пригодятся государству. Вы нужны своей стране.

— Нужен своей стране? — Громов горько усмехнулся. — Я много лет был не нужен никому, тем более государству. Допустим, теперь вдруг понадобился. Что случилось? Неужели пришельцы высадились на нашу бедную планету? Или вы нашли неуловимую темную материю? Да, это бы меня заинтересовало, факт.

— Даю на сборы десять минут.

— А если я откажусь? — повторил Громов.

— Тогда мы доставим вас на место назначения принудительно.

— То есть силой? — уточнил физик.

Боец «Грома» неопределенно пожал плечами и ничего не ответил. Глаза его сурово сверкали из-под черной балаклавы. Громов тоже пожал плечами, в два глотка допил остывший чай и поставил старенький стакан на стол. Аккуратно закрыл блокнот с формулами и поднялся с жалобно скрипнувшего, разваливающегося стула.

— Ладно, — сказал он. — Так и быть, съезжу с вами, проветрюсь. А то засиделся на месте. Скажите, а надолго я нужен государству? У меня теплицы, знаете ли, грядки надо поливать.

— Не могу знать, — сухо отчеканил боец.

Громов, ворча себе под нос, прошел в дом, надел потертые ботинки, накинул плащ, хотя на улице было тепло, взял с собой дорожную сумку, покидав в нее кое-какие личные вещи. В сопровождении бойцов вышел за калитку. Черный микроавтобус стоял у соседского забора. Было уже темно, никто из соседей не заметил, что Громов уезжает. Он забрался внутрь, сел, сложил руки на коленях.

— Позвольте полюбопытствовать, долог ли будет наш путь? — спросил он.

— Ехать несколько часов.

— Хорошо, тогда я подремлю.

Он закрыл глаза и мгновенно заснул. Таким он был от природы — если другого на его месте охватило бы волнение, то Громов относился ко всему происходящему меланхолично. Это было спокойствие человека, который давно уже не ждал от жизни ничего хорошего, а

потому ничего не боялся. Следующим утром его хватились на работе, вечером — соседи. Прошел еще день, но Громов не объявлялся. Коллеги и соседи недоумевали, не могли понять, куда он мог подеваться. Но в полицию никто так и не обратился. Исчезновение Громова осталось незаметным для большого мира.

Тем же вечером бойцы «Грома» нагрянули в квартиру-студию программиста Марка Штерна, которая находилась в центре Москвы. Хозяин не открыл, поэтому входную дверь пришлось взламывать. Опытные бойцы сделали это за считанные секунды. Когда они ворвались в помещение, Марк сидел за компьютером в одних трусах.

— Здравствуйте, вам кого? — безмятежно спросил он, глядя на двух спецназовцев в черной униформе без опознавательных знаков. — Если вы по мою душу, то я давно готов. Я думал, вы придете раньше.

Спецназовцы недоуменно переглянулись. Такого они не ожидали. Старший из бойцов спросил

— Марк Борисович Штерн, 1997 года рождения?

— Пока все верно, — так же безмятежно ответил тот.

— Вам необходимо проследовать с нами.

— Я знаю, — Марк кивнул. — Я ждал вас еще вчера. Мои алгоритмы предсказали вероятность моего похищения с точностью 98,7 процента. Я даже оставил на кухне записку на случай, если будут меня искать.

— Записку?

— Да. Она лежит на столе, в конверте. Пожалуйста, передайте ее моей маме. Мы редко с ней общаемся, но я знаю, что она за меня переживает. Это записка ей, я написал, чтобы она меня не искала и не волновалась. Написал, что меня приняли на ответственную государственную службу и что я не знаю, когда вернусь. Все верно? — Марк говорил умиротворенно, без эмоций, глядя куда-то в сторону, но не в глаза собеседникам.

— Не могу знать, — ответил боец «Грома».

— У меня все готово, я заранее собрал вещи. Могу я взять с собой ноутбук и планшет?

— Да, но на время пути сдайте все гаджеты нам. Мы вернем их вам, когда прибудем на место.

— Хорошо, — согласно кивнул Марк, затем взял рюкзак, который лежал на полу у его ног, раскрыл его и продемонстрировал бойцам. — Здесь только одежда, сменное белье и кое-какие личные вещи. Да, еще я хочу взять с собой книгу «Гедель, Эшер, Бах», почитаю в дороге.

Бойцы вновь удивленно переглянулись. Инструкции насчет книг им не давали.

— Вы не слышали о такой книге? — удивился Марк. Он вынул книгу из рюкзака и вслух прочитал аннотацию. — «Это книга не столько о взаимоотношениях математики, искусства и музыки, сколько о природе познания и скрытых неврологических механизмах, формирующих человеческое мышление». Теперь понимаете? Хорошо, тогда дайте мне пару минут, чтобы одеться, и можем идти.

Три минуты спустя Марк в сопровождении бойцов вышел из квартиры, дверь в которую теперь была прислонена к стенке. Марк не обратил на это внимания. Он даже не обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на свое жилище. Рюкзак висел у него за спиной. Он натянул на себя белую растянутую футболку с какой-то надписью-аббревиатурой и белые же спортивные штаны. Яркие-красные, купленные на распродаже, кроссовки служили диссонансом в его образе.

— А знаете, — сказал Марк, когда они спускались на лифте вниз, — я ведь давно хотел поработать на государство. Только неофициально. Меня интересуют секретные базы, суперкомпьютеры, бункеры под землей. Я уверен, что в какой-нибудь бункер вы меня и отвезете. Я предсказывал эту ситуацию с вероятностью 67,4 процента еще год назад. Два месяца назад вероятность выросла до 91,2 процента. А сейчас почти дошла до ста. Вы знаете, кто я такой?

Или просто выполняете приказ? Ладно, скажу сам. Я программист и криптограф. Я работаю с квантовыми алгоритмами. И поэтому я нужен государству.

— А вы уверены, что вас задержали не по подозрению в совершении преступления? — неожиданно произнес один из бойцов.

— Конечно, уверен, — высокомерно фыркнул тот.

В фургоне Марк сел у окна.

— Я знаю, кто вы, — сказал он. — Вы из ГРУ. Специальный проект «Аркаим». Квантовый суперкомпьютер в Якутии. Я нашел его следы в сети — зашифрованные, но недостаточно. Ваши криптографы используют несовершенные алгоритмы. Я взломал их за три дня. А никто этого даже не заметил.

Марк не видел, но старший группы под балаклавой побледнел.

— Только не убивайте меня. Вы первые, кому я это сказал. Ваша система безопасности дырявая, как решето. Но я вам помогу все исправить, — поспешно добавил Марк, поняв, что сказал лишнее.

Марк замолчал, достал из рюкзака книгу, открыл на заложенной странице и погрузился в чтение. Старший группы выдохнул. Ему остро захотелось спиртного, хотя он не пил уже много лет...

Офис букмекерской конторы «Верона», расположенный в отдельном здании в центре Москвы, работал в обычном ритме. Владелец компании Виталий Крутов проводил вечернее совещание. Он сидел за столом и наблюдал за тем, как его сотрудники сменяют друг друга у флипчарта, рисуют графики и говорят без остановки. Совещание длилось уже сорок минут, и Крутов подустал. Он обвел свой кабинет усталым взглядом — аналитики, программисты и риск-менеджеры сидели за длинным столом и делали вид, что внимают каждому слову выступающих. На самом деле они думали только о том, что рабочий день подходит к концу. Скоро придет дежурная смена, а они отправятся кто куда — кто в бар, кто домой. Но никто не отправится на футбол или другое спортивное мероприятие. Этим они пресыщены по работе, сыты по горло. Контора круглосуточно заключала тысячи пари и хорошо зарабатывала на марже, которую закладывала в коэффициенты на спортивные события.

Букмекер относится к ставкам бесстрастно. Он выступает лишь посредником между игроками, принимая от них деньги, списывая с кошельков одних игроков проигранные средства и зачисляя выигрыши на кошельки тех, кому повезло. Хорошо отлаженный механизм в «Вероне» работал почти безупречно, хотя программистам ежедневно приходилось отражать многочисленные DoS-атаки — кибератаки, целью которых было выведение из строя серверов, сетевых устройств и компьютерных систем. Контора не скупилась и вкладывала огромные средства в обеспечение своей кибербезопасности. Ее системе защиты могли бы позавидовать многие государственные органы.

Конторе было, что терять, поскольку она зарабатывала миллионы рублей ежедневно, выступая всего лишь в роли посредника. Деньги в ставки вкладывали сами игроки. Контора опускала себе в карман маржу, то есть определенный процент, относительно небольшой — обычно от четырех до семи процентов. Остальное же отдавала выигравшим игрокам. Если игра со стороны игрока была честной, контора перечисляла ему выигрыш безропотно. Но практически ежедневно фиксировались попытки игроков обмануть контору. А контора такого не прощает.

Крутов, прикрыв глаза, устало слушал ежедневные отчеты. Они казались ему скучными. Он вообще предпочитал отдых работе. Крутов был толстым человеком, не просто полным, а именно толстым, с большим животом, пухлыми щеками и красным лицом. У него было лицо человека, который слишком много пьет и ест и слишком мало двигается. Он не мог похвастать внешней, физической привлекательностью. И даже отталкивал своим внешним видом многих из тех, кто видел его впервые. Но под некрасивой внешней оболочкой скрывался острый ум и

потрясающая память. Близко знавшие Крутова люди иногда называли его «компьютером» — «Компом». Казалось, он помнил все до мелочей, мог запросто рассказать, что в какой день и в каком году с ним произошло. Он обладал способностью производить сложные математические вычисления в уме и мог выдать ответ со скоростью калькулятора. Эти способности помогали ему в бизнесе. Крутов лучше всякой программы рассчитывал вероятности исхода спортивных событий. В отличие от алгоритма он обладал еще и человеческим чутьем, очень мощной интуицией. И его интуиция последние несколько недель сигнализировала ему о том, что кто-то пытается обмануть систему.

— Итак, — подвел он, наконец, итог. — Вероятность того, что изученная нами серия исходов — случайность, составляет 10 в минус пятнадцатой степени. Это значит, что либо наши алгоритмы сломались, либо кто-то пытается манипулировать биржей ставок.

— Но кто? — спросил риск-менеджер, модного вида молодой парень в очках.

— Вы мне это и скажите. Проведите служебное расследование. По-тихому. У вас неделя. Если через неделю я не получу ответ, вы все будете искать себе другую работу, это ясно?

Он бросил на стол маркер, который машинально крутил в пальцах во время совещания. Это был сигнал, что совещание закончено. Кабинет быстро опустел. Крутов пробыл в нем еще около получаса. Затем бросил взгляд на часы. Девятый час вечера, пора домой. Он неторопливо собрался, отдал последние распоряжения своей секретарше. Она никогда не уходила с работы раньше босса, даже если рабочий день к тому моменту уже официально заканчивался. Крутов вышел через служебный ход и размеренным шагом двинулся к своему автомобилю, припаркованному на корпоративной подземной стоянке. Он удивился, не увидев водителя, который также служил у него личным охранником. Обычно тот предупредительно открывал перед ним дверцу роскошной иномарки.

— Виталий Аркадьевич Крутов?

Он обернулся на голос. За его спиной стояли двое бойцов в черной форме, черных балаклавах. Заметив автоматы у них в руках, Крутов едва заметно усмехнулся.

— Кто вы? — спросил он осипшим голосом.

— Мы из госструктуры, — ответил один из бойцов. — Пройдемте с нами.

Он многозначительно повел дулом автомата, указав на черный фургон, непонятно как попавший на закрытую служебную парковку. Крутов хмыкнул. Вытер пот со лба носовым платком, оценивающе оглядел бойцов. Должно быть, из ФСБ, решил он.

— Я арестован? — коротко спросил он.

— У нас есть основания полагать, что вы можете предоставить ценную информацию для государственного исследования. Вам необходимо проехать с нами.

— Я могу сделать телефонный звонок?

— Нет. В ближайшие дни, недели, может, месяцы никто не должен знать, где вы находитесь и над чем работаете.

— А, понятно, — протянул Крутов. — Скажите, а мое задержание как-то связано с аномалиями, которые зафиксировали наши алгоритмы?

— Не могу знать.

— Могу я отказаться?

— Нет, государство вас мобилизует.

— Послушайте, мне надо позвонить. Это в ваших же интересах. Обещаю, я буду хранить тайну. Но моя компания — это сорок тысяч клиентов и триста миллионов оборота в месяц. Вы представляете, что будет, если я исчезну? Меня будут искать, поднимется шумиха.

— О вашей компании позаботятся, — боец протянул ему лист бумаги. — Ознакомьтесь.

Крутов прочитал. Без эмоций. Только губы шевельнулись, когда он дошел до последней фразы: «...в государственных интересах». Подписано министром обороны. Серьезно? Seriously.

— Я все понял, но мне все-таки нужно сделать звонок. Нет, два звонка. Это очень важно. Один — жене, второй — моему заместителю. Иначе компания рухнет за неделю. Иначе жена поднимет на ноги всех, кого можно, обратится в прессу.

Боец подумал и согласно кивнул. Крутов достал смартфон. Набрал номер жены:

— Алло, Люда. Слушай меня внимательно. Мне надо срочно уехать. Не знаю, на неделю, может, больше. Не волнуйся, все в порядке. Какое-то время не буду выходить на связь, у нас намечено закрытое совещание. Никому не говори, что я уехал. Если будут спрашивать, скажи, что приболел. Я сам тебе потом позвоню. Все, целую.

Он нажал отбой и набрал второго абонента, своего заместителя.

— Слава, слушай приказ. Я уезжаю. Так надо. Всю работу берешь на себя. Я не буду выходить на связь. Не подведи. Потом сам тебя наберу. Если что, я приболел. Лежу в частной клинике, куда никого не пускают. Все, отбой.

Он убрал телефон в карман, посмотрел на бойца.

— Я готов, — Крутов сел в фургон, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Гаджеты, как и у всех остальных, у него временно изъяли. Он не боялся, наоборот, его охватило любопытство. «Интересно, — подумал Крутов, — что они нашли? Что-то, что нарушает законы вероятности? Что-то, чего не должно существовать в принципе?».

Он улыбнулся. Впервые за много лет ему было не скучно. Впервые за много лет им овладел азарт.

Лукавая Фортуна

Город Санкт-Петербург

Горелов, пораженный и слегка придавленный роскошной, академичной обстановкой, стоял в огромном подвальном помещении, больше похожем на подzemелье богатого коллекционера, чем на игровой клуб. Высокие потолки, приятный приглушенный свет, хрустальные люстры, мягкие ковры под ногами, в которых ноги утопали. Вдоль стен выстроились новенькие игровые автоматы. «Однорукие бандиты» поигрывали огнями, манили, обещая несметные сокровища. В центре зала стояли столы для рулетки, чуть дальше, у задней стены, виднелись столы для игры в покер. За ними сидели игроки, свободных мест Горелов там не заметил. Он обратил внимание на то, что среди посетителей (его поразило их обилие, ведь азартные игры вне игорных зон в России запрещены, значит, и другие посетители, и он сам нарушают закон!) много мужчин в дорогих костюмах и дам в вечерних платьях. Лишь единицы одеты просто. Строгого дресс-кода здесь, видимо, не придерживались, но посетители сами держали марку. Просто удивительно для подпольного заведения. У стены слева от входа располагался богатый выбором бар с матовой стойкой. Бармен, высокий брюнет в строгом костюме с бабочкой, ловко смешивал коктейли. Воздух был пропитан запахом дорогого парфюма и ароматом... денег, азарта, удачи и неудачи. Лукавой Фортуны, чье настроение крайне изменчиво и непредсказуемо.

Горелов почувствовал себя неуютно в своей дешевой летней куртке и стоптанных кроссовках. Он ощутил себя чужим в этом мире. Но Голос не дал ему времени на чувства и раздумья. Эмоциями он не отличался.

«Подойди к стойке обмена. Обменяй деньги на фишки. Все триста тысяч рублей», — приказал он.

Горелов послушно направился к стойке, где платиновая блондинка с идеальной укладкой и неправдоподобно белоснежной улыбкой профессионально отсчитывала хрустящие купюры лысому коротышке, которому улыбнулась удача. Горелов подождал, пока не будет произведен расчет с коротышкой. Затем выложил перед девушкой свои триста тысяч наличными. Она кивнула, не выказывая удивления. Такая сумма вряд ли могла ее удивить, она ежедневно наблюдала переток куда более крупных сумм.

Девушка пересчитала деньги Горелова, используя для этого счетную машинку. Затем привычно сунула купюры, одну за другой, в машинку для проверки подлинности банкнот. Такие можно увидеть на кассе практически в любом сетевом магазине. Горелов молча, но с любопытством и некоторым восхищением наблюдал за ее движениями. Действия девушки казались идеально отточенными, работала она здесь далеко не первый день. Завершив пересчет и проверку денег, девушка произвела обмен и вручила Горелову поднос с фишками разного достоинства — синие, красные, зеленые, желтые. Фишки оказались тяжелыми и приятно шершавыми на ощупь. В них ощущалась ценность, сопоставимая с ценностью денег, но все же это была некая иная ценность, волнующая сознание, вызывающая легкое волнение в груди.

«Твой первый шаг — игровые автоматы, — инструктировал Голос. — Иди к тому, что в углу. Играй. Не выигрывай. Просто играй. За тобой наблюдают».

Горелов огляделся по сторонам. Так инстинктивно оборачивается человек, которому говорят — не оборачивайся. Его взгляд нащупал видеокamеры, которые никто и не скрывал. Они висели на стенах, под потолком. Видеокamеры гарантировали посетителям подпольного казино безопасность. Они также дисциплинировали их. Но в заведении имелись и скрытые камеры. С их помощью пара специалистов в потайной комнате внимательно следила по мони-

торам за действиями игроков. Как любое официальное казино, нелегальное заведение не терпело обмана. Горелов сел за игровой автомат. Пару минут он изучал его, поскольку раньше видел «одноруких бандитов» только в кино. Он был слишком мал, когда игровые автоматы еще находились на легальном положении. А когда вырос, их уже переместили в отдаленные игорные зоны.

На экране «однорукого бандита» замелькали картинки: фрукты, семерки, золотые колокольчики. Ага, все просто, решил Горелов. Опускаем фишку и фигурально дергаем за рычаг. На самом деле надо просто нажать на кнопку старта. А там: повезет — не повезет. Он опустил первую фишку в прорезь и нажал на кнопку. Затем еще раз, и еще раз. Фишки малого номинала утекали в прорезь машины, как вода в песок. Раз за разом, спин за спином. Иногда выпадали мелкие выигрыши, которым увлекшийся и растрепанный Горелов радовался, как малый ребенок. Автомат, радостно позвякивая, честно выдавал выигрыш. И громко трубил победный марш, призывая игрока не останавливаться на достигнутом. Мелкие выигрыши моментально поглощались новыми, проигрышными ставками. Горелов играл механически, не думая, не надеясь и больше почти не радуясь. Эйфория прошла. Теперь он просто выполнял приказ. Постепенно Горелов понял, что единственный способ выиграть — это сорвать куш, взять джек-пот. Возможно ли это? Как программист, Горелов понимал, что автомат имеет простенькое, но цифровое нутро. Значит, у него имеется собственный алгоритм, который можно как настроить, так и перенастроить. Например, можно его настроить так, что джек-пот никогда не выпадет. Или выпадет в нужный момент, когда за автомат сядет нужный казино человек. Эх, если бы ему дали покопаться в этой машине!

Следующие сорок минут Горелов просидел за автоматами, по приказу Голоса переходя от одного к другому. Он успел проиграть фишками около пятидесяти тысяч рублей. Сумма была относительно незначительной по сравнению с тем, что у него имелось на руках изначально. Но для него самого, в последние месяцы привыкшего считать каждую копейку, такой проигрыш казался безумно огромным. В какой-то момент Горелов даже подумал о том, чтобы остановиться. И только у него в голове мелькнула такая мысль, как он почувствовал, что в затылок его словно кто-то ударил. Ошарашенный, программист хотел обернуться и взглянуть в глаза наглецу, отпустившему ему подзатыльник. Но с ужасом понял, что тело ему не подчиняется. Это Голос напомнил ему о своей силе, о своем праве.

«Да понял я, понял, — мысленно пробормотал Горелов. — Верни мне контроль над телом, я буду играть, обещаю».

Голос вернул программисту контроль над телом.

«Теперь — рулетка. Стол номер три. Ставь на красное. Всю оставшуюся сумму, кроме пятидесяти тысяч».

«Что? — ужаснулся Горелов. — Я же все проиграю! А ты обещал выигрыш!»

«Делай, что говорю».

Горелов посмотрел на рулетку, с сомнением покачал головой. Потом решился и подошел к названному столу номер три. Крупье, блондин неопределенных лет с быстрыми, белыми, почти прозрачными пальцами, кивком головы указал ему на свободное место. Его взгляд профессионально прошелся по новому посетителю. Блондин ни единым жестом, ни движением глаз и бровей не выдал того, что опыт подсказал ему о новом игроке. Его лицо скрывала маска невозмутимости. Горелов устроился на стуле, осмотрелся и, улучив момент, поставил фишки на красное. Блондин объявил: «Ставки сделаны, ставок больше нет». Горелов с замирающим сердцем следил за тем, как колесо закрутилось, как шарик со звуками, показавшимися ему грохотом, запрыгал по его ячейкам. Где-то в глубине души он молился, но не Голосу, а неведомым богам. Молился Фортуне, чтобы выпал его сектор.

Шарик еще попрыгал, замедляя свой ход, и, наконец, замер на красном. Выигрыш удвоил ставку Горелова. Он не верил своим глазам.

«Еще раз. Все на красное», — бесстрастно велел Голос.

«Но это безумие! — взвыл Горелов. — Какова вероятность?»

«Делай, что тебе говорят».

Горелов повиновался и вновь поставил на красное. Колесо закрутилось. Шарик замер... на красном. Толпа, Горелов и не заметил, как люди собрались вокруг него, наблюдая за его безумной игрой, заохала. Кто-то поздравил его, кто-то завистливо покачал головой. Кто-то протянул ему руку, и программист, ощущавший себя на седьмом небе от радости, охотно и крепко ее пожал, принимая поздравления. Горелов выиграл почти два миллиона рублей. У него кружилась голова, ему стало трудно дышать. «Да у меня же дыхание сперло!» — он счастливо рассмеялся. Деньги, легкие и почти невесомые, внезапно подумал он, подбрасывая руке одну из выигранных фишек на ладони. А вот фишки — тяжелые, думал он, дают какое-то новое ощущение. Он догадался — это ощущение силы, богатства. Оно пьянило его, это новое ощущение. Ему хотелось как можно скорее вернуться в игру. Ставить на выигрышные сектора, раз за разом пополнять горку фишек перед собой. Горелов не видел сейчас, что или кто могло бы его остановить. Он и не догадывался, что шел в эти минуты по тому же проторенному пути, которым до него прошли тысячи лудоманов. Он не замечал подвоха, чувствовал себя везучим и абсолютно всесильным.

«Играй дальше. Проигрывай. Постепенно. Не вызывай подозрений».

«Как проигрывать? — охнул Горелов. — Ладно. На что ставить?»

«Ставь случайным образом».

Горелов с тоской взглянул на горку фишек, что возвышалась на зеленом сукне перед ним. Огромная куча денег. И он должен сознательно ее спустить? Он знал, что Голос неумолим. Начнешь сопротивляться, отключит тело. Выбора нет. Горелов тяжело вздохнул и продолжил играть. Он ставил наугад, иногда даже выигрывал, но чаще проигрывал. Толпа вокруг него стала редеть. Неудачники внимания не стоят. Вскоре возле него остался последний зевака, солидный мужчина лет сорока, в дорогом костюме. Он с интересом следил за игрой Горелова. А когда тот снова проиграл и отчаянно бросил на стол одну из последних своих фишек, усмехнулся с видом знатока и произнес:

— Мать ругала его не за то, что он играл, а за то, что отыгрывался...

После этого, хитро подмигнув Горелову, от стола отошел и этот последний наблюдатель. Горелов уныло пересчитал оставшиеся у него фишки. За полтора часа он спустил не только свой выигрыш. Осталось у него всего тысяч пятьдесят рублей. Казалось, все его усилия были напрасны. Но Голос сохранял завидное спокойствие.

«Стоп игра. Теперь покер. Стол номер семь. Там освободилось место. Займи его».

Горелов повиновался, оставил рулетку, ставшую для него несчастливой, и отправился к картежникам. За покерным столом, который указал Голос, сидели четверо. Двое по виду своему напоминали бизнесменов в дорогих костюмах, пришедших сюда развеять скуку. Перед каждым из них стоял стакан с горячительным. Третий, смекнул Горелов, наверняка профессиональный игрок, уж слишком бесстрастным было его лицо. Четвертым игроком оказался местный богач, которого Горелов узнал сразу. Меценат, филантроп, его часто показывали по телевизору, его фотографии мелькали в сети. Вживую Горелов никогда его не встречал и сейчас невольно остановил на нем взгляд. Лет пятидесяти. Подтянутый, видно, что следит за собой, занимается спортом. Крепкий, уверенный в себе. Аккуратная прическа, брюнет, начавший седеть. Седину не закрашивает, это тоже сигнал. Значит, не любит фальши. Но играет в покер, где блеф — залог успеха. Интересно. Бронзовый загар, такого в Питере не получишь и в солярии. Массивный золотой перстень на правой руке. Обручального кольца нет. Зато есть подруга. Позади богача сидела пышногрудая блондинка, которая жевала резинку и со скужающим видом листала что-то в своем смартфоне. По возрасту в дочери ему годится, но явно не дочь.

«Сергей Аркадьев, владелец половины строительного бизнеса в Петербурге, — внезапно ожил Голос. — Вот наша цель. Аркадьев приходит сюда, чтобы развлечься. Игра дает ему чувство власти. Проигрывать не любит. Сыграем на этом».

«Мы должны проиграть?»

«Нет, мы должны выиграть».

Повинуясь, Горелов сел за стол. Другие игроки только мельком взглянули на него. Богач слегка улыбнулся — новая жертва, это хорошо, словно говорила его холодная улыбка. Фишек у него мало, быстро проиграет. Дилер, так в покере называют человека, который организует и контролирует процесс игры, раздал карты.

«Не торопись. Здесь играют по малому. Проиграй несколько раз. Обрати внимание на игру каждого соперника. Запомни все, что они делают, как себя ведут. Постарайся запомнить все их движения, все тайные знаки», — инструктировал Голос.

«Разве ты мне не поможешь?», — удивился Горелов.

«Помогу. Но я хочу, чтобы ты выглядел натурально. Пусть видят, что ты к ним присматриваешься».

«Понял, сделаю».

Горелов проиграл. Потом еще раз. И еще. Фишки таяли на глазах. Богач снисходительно улыбался, машинально покручивая перстень на пальце. Скучающие бизнесмены выразительно переглядывались. Они были хорошо знакомы, и праздно делали ставки, прихлебывая из стаканов. Для них это была игра ради игры, времяпрепровождение. Профессиональный игрок бесстрастно собирал практически все выигрыши, сгребая к себе фишки соперников. В душе Горелова начала зарождаться паника. Фишек у него оставалось тысяч на двадцать рублей. С такой «удачей» он мог продержаться за столом считанные минуты.

«Начинаем выигрывать, — проснулся Голос. — Внимательно слушай меня. У игрока слева — пара дам. Он блефует. У игрока напротив — флеш. Он не пойдет до конца, сбросит карты. Богач пустой, тоже блеф. У тебя — две пары. Слабая карта. Повышай».

«Но если карта слабая...».

«Повышай».

«Ладно, ладно», — Горелов повысил ставки до двадцати тысяч, поставив на кон все, что у него оставалось. Один за другим противники, задумчиво поглядев на него, сбросили свои карты. Богач, пожевав губами, тоже сбросил. Горелов в душе возликовал, наконец, он забрал банк, небольшой, но сам момент был очень важным и переломным. Он снова поверил в Голос. Он снова поверил в себя. Да, он особенный, ведь так твердил ему Голос? Теперь он будет четко слушаться Голоса. Повиноваться ему беспрекословно. Голос научит его совершать особенные поступки, а только особенные поступки делают человека особенным. Особенному человеку подвластно все.

Следующую пару часов Горелов провел, словно во сне. Он играл, следуя подсказкам, и выигрыш его неумолимо рос. Пятьдесят тысяч, сто, двести, пятьсот. Периодически он, следуя приказам Голоса, проигрывал, несколько раз сбрасывал даже выигрышнее комбинации карт. Пасовал он для того, чтобы не вспугнуть соперников. Выдавать их следовало постепенно. Другие игроки должны были выйти из своего полусонного состояния. Голос манипуляциями Горелова пытался разворошить в них пламя азарта, довести до той черты, за которой уже не останавливаются даже при крупном проигрыше. Но следовало терпеть, торопиться было нельзя.

Горелов с трудом выдерживал заданный Голосом темп, азарт охватил и его самого. Его огорчали проигрыши, но он знал, что в следующий раз Голос не подведет. Миллион рублей, два, три, четыре... Богач начал нервничать. Скучающие бизнесмены оживились. Профессиональный игрок, до того относившийся к Горелову снисходительно, смотрел на него с подозрением. Даже блондинка, скупавшая позади богача, отвлеклась от смартфона и теперь подалась

вперед, без стыда демонстрируя глубокое декольте. Она с откровенным интересом смотрела на игрока, которому во все зубы улыбалась удача.

«Теперь — ва-банк. Все, что у тебя есть, ставь на кон», — приказал Голос.

Горелов выполнил приказ и сдвинул все свои фишки в центр стола. Соперники переглянулись.

— Пас, — один за другим карты сбросили оба бизнесмена и профессиональный игрок. Сумма была велика, они не могли ответить на такой вызов. У них не хватало денег. Ответить мог только богач. Аркадьев сидел неподвижно. Он изучающее смотрел на Горелова, используя тот свой стальной взгляд, которым прожигал подчиненных, с помощью которого заключил столько выгодных для себя сделок. Этот взгляд мало кто выдерживал. Не выдержал бы его Горелов, но при других обстоятельствах. Сейчас же он ощущал в себе неодолимую силу. Голос заставил его поверить в то, что он выше, сильнее этого сильного мира сего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.